

666-я женщина Лешего

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Михаил Каюрин

18+

Михаил Александрович Каюрин

666-я женщина Лешего

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51860489

SelfPub; 2024

Аннотация

В объятиях успешного бизнесмена и настоящего мачо побывало более шестисот женщин – таково эхо предательства любимой девушки. Кошмарный сон с явлением старца заставил его содрогнуться: следующая женщина под № 666 – посланница дьявола, которая станет для него погибелью. Страх перед неотвратимой карой за разврат заставил героя-любовника стать отшельником. Однако, даже затворничество не спасло его от роковой дьяволицы...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	29
Глава 4	40
Глава 5	50
Глава 6	62
Глава 7	73
Глава 8	87
Глава 9	99
Глава 10	110
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Михаил Каюрин

666-я женщина Лешего

Пролог

Лешим его прозвали охотники, наткнувшись случайно на затерянную в таёжной глухомани избушку. Когда этот человек появился в тайге и откуда пришёл – никто толком не знал. И почему этот сухопарый отшельник двухметрового роста решил остановиться именно здесь – можно было лишь предполагать.

Возможно, когда он выбирал место для проживания, ему понравилась отвесная скала на берегу реки, в которой имелся грот. Прельстил вид этой небольшой пещеры, под сводчатым потолком которой можно было укрыться от раскалённого солнца, либо переждать ненастье.

Впрочем, сценарий поселения мог быть иным.

Опостылела вдруг человеку прежняя жизнь и отправился он куда глаза глядят, лишь бы навсегда избавиться от городского шума и людского коварства. Шёл он и шёл бездумно вдоль реки, оставляя позади многие километры, и, притомившись, присел отдохнуть. Огляделся вокруг, и открывшееся перед глазами великолепие природы несказанно оча-

ровало его.

И не пошёл человек дальше в неизвестность, а взял в руки топор и принялся валить деревья, чтобы построить для себя жилище.

Так ли это было на самом деле или нет – одному Богу известно.

Дом у Лешего был небольших размеров, но, судя по внешнему виду, крепким и основательным, срубленным из толстых брёвен с двумя смотровыми оконцами в стенах.

Большая изба Лешему была не нужна, поскольку жил он в одиночестве и, по всей вероятности, не собирался кого-либо приютить у себя. Неподалёку от избы располагалась банька, рядом с ней четырьмя столбами врос в землю навес. Под крышей висели веники разных мастей, сушилась пушнина, вялились рыба и мясо, хранился хозяйственный инвентарь.

Леший был угрюм и немногословен. Ни одному из редких путников, волею случая заброшенным в эту глухомань, ни разу не удалось разговорить его. На все вопросы отшельник отвечал коротко и односложно. Даже имени своего никому из них он не назвал.

Так и прослыл этот странный таёжный житель Лешим на многие годы.

Глава 1

О существовании Лешего узнала однажды местная журналистка Фелиция Сойкина. О нём ей рассказал знакомый охотник.

Судьба загадочного отшельника очень заинтересовала неугомонную акулу пера.

Сойкина имела непоседливый нрав. В погоне за громкой сенсацией она была готова, пойти на любые ухищрения и жертвы. Из-за своей опрометчивости частенько попадала в такие передраги, где её жизнь висела на волоске.

О творческих похождениях вездесущей журналистки ходили целые легенды.

Эта неутомимая женщина могла перевоплотиться в любой образ ради достижения поставленной цели. Она была способна изнурять себя голодом, могла не спать по несколько дней, позволяла себе пить водку наравне с мужиками, если этого требовали сложившиеся обстоятельства. При необходимости становилась невыносимой стервой или же, наоборот, превращалась в ласковую и послушную женщину-душечку.

Дар перевоплощения был заложен ей природой. Взбалмошная Фелиция была замечательной актрисой и, возможно, достигла бы определённых высот и признания зрителей,

если бы выбрала для себя театральные подмостки, а не перо журналиста.

Прослышав о Лешем, отчаянная журналистка загорелась желанием повстречаться с ним и раскрыть тайну его отшельничества. У неё давно уже не было сногшибательного репортажа, и это очень настораживало. В голове периодически стали появляться назойливые мысли о притуплении профессионального чутья. Ко всему прочему, Фелиция была очень самолюбивой женщиной и ослабление внимания к собственной персоне переносила болезненно. Ей хотелось постоянно быть в центре внимания общества и пишущей братии, в частности.

«Интересная тема, – отметила про себя журналистка. – Без веской причины человек не способен отречься от мирских благ. Это непреложный закон бытия. Значит, у Лешего была определённая мотивация. Значит, существует некая тайна, и я должна быть первой, кому удастся эту тайну раскрыть».

Она встала перед зеркалом и, театрально вскинув руку с жестом торжества, громко воскликнула:

– Долой стереотипность в работе! Хватит заниматься мелкими и никчёмными интрижками! Пора пробовать себя в роли психоаналитика!

Цель была поставлена. Дело оставалось за малым – срочно подобрать надёжного проводника.

Фелиция хотя и слыла лихой женщиной, но махануть в

одинокую в тайгу без необходимых навыков не рискнула.

Перебрав в памяти все возможные кандидатуры на роль проводника, она остановилась на одной из них. Этой кандидатурой стал местный егерь Виктор Громов – бывший одноклассник. С ним Фелиция какое-то время даже сидела за одной партой. Для исполнения её задумки требовался именно такой человек. Виктор отличался житейской мудростью, порядочностью, а главное, умел держать язык за зубами.

Никто не должен знать раньше времени, куда и зачем она отправилась. Это было главное правило его журналистской деятельности.

К удивлению самой Сойкиной, Виктор Громов согласился сразу.

– Когда выступаем? – спросил он, выслушав краткую информацию о цели и продолжительности похода.

– Хоть сейчас, – радостно улыбнулась Фелиция. – Я птица вольная. В любой момент могу взмахнуть крылом и взмыть в небеса.

– Тогда завтра с восходом солнца жду тебя на причале, – будничным голосом отозвался егерь. – Сегодня нужно затовариться продуктами. Не лишним был бы ваш аванс, госпожа Сойкина.

– О, да, конечно! – воскликнула Фелиция и, достав из кошелька несколько крупных купюр, протянула их егерю. – Надеюсь, этого будет достаточно, чтобы закупить не только хлеб и колбасу?

– Вполне, – согласился Виктор, поняв с полуслова о том, что следовало закупить. Сложенные пополам денежные знаки без промедления перекочевали в карман его старых выцветших джинсов.

– Смотри не опаздывай, птица вольная, – назидательно сказал он. – Не люблю ждать.

– Не беспокойся, Витя, я – дисциплинированный человек. Утром, едва солнце сорвалось с острых вершин елей и выпучилось на краю неба, Фелиция появилась на берегу реки.

Егерь сидел уже в лодке и был готов к отплытию.

– Привет, Витюша, – бодро поприветствовала она. – Во время явилась? Не подвела?

– Доброго здравия, Фиса, – отозвался Громов почему-то мрачным голосом. – Пока претензий к тебе не имею. Но ничуть не сомневаюсь, что они появятся уже совсем скоро.

– Это почему же?

– У тебя на роду написано влипать в неприятные истории.

– Глупости говоришь, Громов. У каждого человека бывают стечения обстоятельств, которых миновать нельзя. И с тобой всякое может случиться. Ты тоже, как все грешные, не застрахован от случайных неприятностей.

– Не будем спорить – время покажет, – пробурчал егерь, взял у Сойкиной увесистый рюкзак, уложил его рядом со своим под скамейкой на корме.

– Усаживайся, непутёвая, поехали, – почему-то совсем неласково произнёс он и отвернулся к мотору, готовясь к за-

пуску.

Фелиция хотела огрызнуться, поскольку не считала себя легкомысленной и беспутной, но в последний момент сдержалась, успев разглядеть хмурое лицо Громова.

«Не хватало ещё разозлить мужика на старте, – рассудила она и решила оставить егеря на некоторое время в покое. – Ссора нам сейчас совсем не нужна. Путь долог, успею ещё вонзить в него своё ядовитое жало».

Сойкина устроилась на сиденье посередине лодки спиной к Виктору и устремила свой взор вперёд.

Взревел мотор, нарушив утреннюю тишину, лодка медленно описала дугу и, набирая скорость, бойко устремилась вверх по течению.

Первые километры шли по реке в полном молчании.

Фелиция с любопытством смотрела по сторонам и восхищалась открывающимися перед ней пейзажами. Она неожиданно поймала себя

на мысли, что все её вылазки на природу, оказывается, можно посчитать на пальцах одной руки.

Её друзья предпочитали отмечать значимые события, как правило, в уютном ресторанчике, либо с шашлыками на чьей-нибудь даче. А вот пройти с десятков километров по дикой природе с рюкзаком за плечами, как ни странно, ни ей, ни её друзьям в голову не приходило.

Впрочем, и тематика её острых репортажей обычно была связана с городскими интригами. Жизнь охотников и лесо-

рубов её никогда не интересовала, поскольку представлялась однообразной и скучной, лишённой духа романтики.

«Может быть, мой герой, вот также, как я сейчас, вдруг открыл для себя то, чего ранее не замечал? Открыл и, восхищённый первозданной природой, решил немного побыть у неё в гостях? – размышляла Фелиция. – А, побыв в неизведанном для себя мире, был настолько пленён его чарующей силой, что не смог противостоять? Возможно такое?»

Она задумалась ненадолго, потом переключила мысли на егеря.

«Взять хотя бы того же Громова, – продолжила свои рассуждения журналистка. – Что заставляет этого человека каждый день проводить в тайге? Каким пряником этот урман заманивает его в непроходимые чащи? Надо бы спросить об этом из любопытства».

Заводить разговор при завывающем моторе, надрывая голосовые связки, вовсе не хотелось, однако, сказала профессиональная привычка. Желание получить ответ сиюминутно, чтобы продолжить размышления уже в более узком направлении, перетянуло чашу весов. Инстинкт журналиста получать информацию, не откладывая на потом, сработал автоматически.

Она повернулась к егерю, внимательно посмотрела на его обветренное загорелое лицо, пытаясь по лицу определить внутреннее состояние кормчего.

Лодка только что преодолела стремительный пережат и

пошла по тихой водной глади. Громов, уловив желание женщины спросить его о чём-то, сбросил обороты. Двигатель перешёл на тихое урчание.

– Скажи мне, Витя, только без лукавства: почему ты стал егерем? – поинтересовалась Фелиция. – Насколько мне помнится, у тебя были хорошие способности по математике. Ты даже в городских олимпиадах участвовал, кучу грамот имел. Да и по физике у тебя были одни пятёрки.

Громов ответил не сразу. Вопрос бывшей одноклассницы, вероятно, застал его врасплох. Он некоторое время смотрел неподвижным взглядом поверх её головы. Вглядывался вдаль, будто и не было никого перед ним, будто перед его глазами открылась некая панорама, видеть которую мог только он один.

Наконец, его глаза ожили, взгляд заметно потеплел, он некоторое время смотрел на Сойкину с нескрываемым интересом.

– Видишь ли, Фиса, ещё в молодости, когда я увлёкся математикой, мне в голову пришла одна интересная мысль, – брови егеря на пару секунд сошлись к переносице и быстро выправились.

– О чём? – спросила Фелиция.

– Мысль о том, что в этом мире все события запрограммированы. Причём, задолго до того, когда им суждено состояться. И глуп тот человек, который мнит себя властелином природы. Нарушить взаимосвязь всего живого невоз-

можно, – убеждённо проговорил Виктор. – Людям пора бы понять, что распорядителем процессов на Земле является сама природа, а вовсе не человек с его амбициями.

Громов внезапно умолк и, повернувшись ухом к мотору, стал вслушиваться в шум мотора. Его явно что-то насторожило. Запустив ладонь под корпус, принялся что-то подкручивать на ходу.

Фелиция успела выслушать лишь философское предисловие о роли человека в природе, и терпеливо ждала вразумительного ответа на свой вопрос.

– В бескрайних просторах вселенной самый маститый учёный – несмышлёная букашка, – как ни в чём не бывало, продолжил философствовать егерь. – Это по воле матушки-природы происходят все события вокруг, и человек не способен влиять на их ход. Уже тогда я понял, что каждому из нас уготована участь заблаговременно.

– Вот как? – удивилась Фелиция, не ожидая услышать от Громова столь замысловатое, длинное и спорное предисловие. – Ты хочешь сказать, что предназначение человека на Земле программируется уже в утробе матери?

– В том, что программируется – не сомневаюсь. Но на какой стадии это происходит – пока не ведомо никому.

– Очень любопытное утверждение! Может, поделишься секретом, как можно узнать о своём предназначении в мире матушки-природы? – спросила Фелиция с нескрываемой насмешкой.

– Элементарно, Фиса, – ответил Виктор, подражая знаменитому сыщику и не обращая внимания на язвительный тон женщины. – В какой-то момент каждый из нас должен внимательно прислушаться к себе и понять, какое занятие ему больше по душе. Нутром почувствовать, где он будет трудиться с полной отдачей сил и максимумом комфорта.

– Как ты понял, что твоё место в лесу, а не на научном поприще?

– Осознание пришло само собой. В тайге я почувствовал себя по-настоящему свободным и независимым, мне в лесу всегда комфортно.

– Хм-м, не думаю, что великий математик или физик чувствует себя менее свободным и независимым, чем ты, – усомнилась Фелиция.

– Не знаю, какие чувства испытывают эти люди. Стать гениальным учёным мне не дано – нет той целеустремлённости, без которой достичь больших высот в науке невозможно. А быть рядовым математиком и прозябать в каком-нибудь зачуханном институте до старости – меня не прельщало. Я стал рядовым егерем и ни разу не пожалел о своём выборе.

– И я не сожалею, что выбрала для себя журналистику, – подумав, сказала Фелиция. – Правда, периодически злюсь на себя, когда у меня получается что-то не так, как хотелось бы. Обзываю себя в такие моменты ничтожеством и задумываюсь: а не ошиблась ли я с выбором профессии? К счастью, очень скоро всё становится на свои места, =аи я опять чув-

ствую прилив сил.

– Значит ты тоже на своём месте, – сделал заключение Виктор и, посчитав разговор оконченным, включил полный газ.

Лодка сорвалась с места и, задрав нос, понеслась вновь, разрезая водную гладь и разбрасывая по сторонам многочисленные брызги.

Глава 2

В намеченную точку маршрута путешественники прибыли за час до полудня. Завидев знакомый грот в скале, Виктор сбавил обороты, направил лодку к берегу и затем заглушил мотор. Вскоре её дюралевое дно зашуршало по прибрежной гальке.

День выдался погожим и ясным. Под ярким солнцем река блестела так, будто на водной глади было разлито расплавленное золото. Глядя на сверкающую реку, Фелиция зажмурилась и блаженно улыбнулась.

Громов, щурясь от яркого солнца, посмотрел на счастливую журналистку, спросил:

– Ну, как тебе дикая таёжная сторона? Нравится?

– Сказать «нравится» – значит ничего не сказать, – ответила Сойкина. – Картина потрясающая! Просто волшебная явь какая-то!

Глаза Фелиции были полны восхищения и восторга.

– Теперь я, кажется, начинаю понимать, почему ты стал егерем, – сказала она, ступив на берег.

– Да, в этих самых местах я впервые задумался о своём будущем, – сообщил Виктор. – Вон на той скале торчал юный Громов, глазел на таёжные просторы, – показал он кивком головы в сторону гранитного утёса метрах в ста от места, где

они стояли.

– О чём ты думал, когда смотрел? – любопытствовала Сойкина.

– В тот момент мои думы были сумбурными и по-юношески максималистскими, – усмехнулся Громов, вытаскивая из лодки походный скарб. – Размышлял, помнится, сразу о многом, а мысли, как ни странно, сводились к одному: как дальше шагать по жизни, куда податься после школы, какому делу посвятить себя?

Егерь умолк, ухватил последний тук с палаткой, вынес его на галечник подальше от кромки воды. Затем вытянул из носа лодки длинную металлическую цепь, обмотал ею несколько раз ствол ближайшего дерева, замкнул узлом, чтобы не размоталась.

– Тогда и созрело решение стать егерем?

– Нет, решение пришло позже, когда успел намотать соплей на кулак, – ответил Громов. – Тогда, стоя на утёсе, я мечтал поскорее вырваться на свободу и стать независимым.

– Независимым от кого?

– От отчима, чтоб ему икнулось на небесах, – на лице егеря скользнула злая усмешка. – Заманал он меня в ту пору окончательно. Упрёки, издевательства, постоянное рукоприкладство до сих пор не выветрились из моей головы.

– Чем попрекал?

– Куском хлеба, который, по его мнению, доставался мне незаслуженно. Хотя я, в отличие от своих сверстников, иша-

чил по хозяйству, как батрак, но ему, деспоту, всегда было мало моего труда. Да ну его к чёрту! Вспоминать те дни совсем не хочется, – с недовольством высказался Громов. – Давай-ка лучше поговорим о твоих планах.

– О планах? – спросила Фелиция, изобразив на лице удивление – Нет у меня никаких планов.

– Как нет? Зачем-то ты ехала к Лешему? – от неожиданного ответа у егеря брови поползли вверх, глаза округлились.

– А вот так: нет и вся недолга! План, Витюша, – это заранее намеченное и тщательно проработанное мероприятие. А в моей голове пока полный вакуум, за исключением огромного желания пообщаться с отшельником. Хочу сама побыть в одиночестве некоторое время и понять, что толкает человека к изоляции от общества.

– Ясно. А что, если Леший не захочет с тобой говорить? – спросил Громов. – Насколько мне известно, он ещё никогда не пускался на откровение и ни перед кем не изливал свою душу.

– Говорить со мной или нет – его дело. Не соизволит пообщаться – отдохну здесь от городской суеты недельку и отправлюсь восвояси, – с полным спокойствием ответила Сойкина и зевнула беззаботно. – Ты за меня не беспокойся, Витюша. Твои услуги я оплатила сполна, с этой минуты ты свободен. Можешь сейчас же возвращаться назад, если уж тебе приспичило. Дальше – мои проблемы. Тебя я буду ждать ровно через неделю, как договаривались. Тогда и получишь

остаток суммы.

– Какая ты всё же, Фиска... – ругнулся Громов незлобиво и, не сумев подобрать подходящего слова, чтобы уколоть бывшую одноклассницу, умолк.

– Какая? – с вызовом спросила Фелиция. – Говори, я женщина не обидчивая.

Виктор пристально посмотрел на Сойкину, в уме всплыло слово, которым он называл её ещё в школьные годы.

– Сумасбродная женщина ты, Фиса, рабыня своих вздорных прихотей, – проговорил он. – От тебя, как от прокажённой, нужно держаться на расстоянии или обходить стороной. Ты не человек, ты – повседневная авария.

– Ой, Громов, большое спасибо за комплимент. Только вот ничего нового я, к сожалению, не услышала. Столько лет прошло, а ты так и не придумал для меня более значимого эпитета. Помнится, в школе ты иногда называл меня шалопуткой.

– Называл. Но ты так и не научилась руководствоваться благоразумием и здравым смыслом, – заметил Виктор. – А это, скажу я тебе, весьма печальный факт для женщины в твоём возрасте.

Не принимая всерьёз слова Сойкиной об отправлении в обратный путь, Громов приступил к разбивке лагеря. Он посчитал своим неукоснительным долгом установить палатку, заготовить дров для костра на неделю, а также научить Фелицию кое-каким походным премудростям. Ему хотелось быть

спокойным за её судьбу во время своего отсутствия.

– Чем же это плохо? – поинтересовалась Фелиция, и в её глазах вспыхнул огонёк искреннего любопытства.

– Отрицательно сказывается на отношениях с мужчинами.

– А вот тут ты ошибаешься, дорогой мой друг детства. Настоящая женщина должна быть вредной и капризной, чтобы вызывать у мужчины азарт охотника, – отпарировала Фелиция. – Послушные и предсказуемые дамы очень быстро наскучивают мужской половине.

– Откуда такие познания?

– Профессия журналиста научила меня разбираться в тонкостях человеческих взаимоотношений. В особенности, между мужчиной и женщиной.

– Да-а, я же совсем запамятовал: ты у нас непревзойдённый знаток человеческих душ. Читаю порой твои очерки о героях наших дней и диву даюсь – это же настоящие гимны о добром сердце и нравственных ценностях человека, – егерь широко улыбнулся, на загорелом лице блеснули крепкие белые зубы.

– Ёрничаешь?

– Что ты, Фиса! Упаси бог глумиться над твоими трудами, – изобразив на лице простодушие и картинно кривляясь, проговорил Громов. – Я же полным счётом ничего не смыслю в вашей профессии.

– А ты, Витя, как был язвой, так ею и остался.

– С кем поведёшься...

– Ладно, будем считать, что словесная разминка между нами закончилась с ничейным счётом, – сказала Фелиция.

– Вам лучше знать, мадам Сойкина, – ответил Виктор, проверяя натяжение палаточной ткани. – Меня лично устраивает любой счёт нашего поединка.

– Ты собираешься здесь заночевать? – спросила Фелиция, обратив внимание на то, с какой неторопливостью устанавливает палатку егерь.

– А что? Боишься остаться со мной наедине?

– Ещё чего!

– Ой ли? А вдруг я к тебе приставать начну, что тогда? Ночь, вокруг ни души, а рядом соблазнительная женщина. Почему бы мне, женатому мужику, не воспользоваться подвернувшимся случаем? Сочная, румяная, чернобровая красавица – ночи не хватит, чтобы сполна насладиться ею! – Виктор усмехнулся, на лице его блуждали хитринки.

Фелиция подняла на бывшего одноклассника сердитые глаза:

– Не носи всякую чушь, Громов!

– Может, и чушь, Фиса, но лучшего сценария для твоего знакомства с Лешим не придумать, – рассудительно высказался егерь. – Ты завопишь о помощи, он услышит твои душераздирающие вопли, ринется спасать. Я в это время прыгаю в лодку и быстренько улепётываю от наказания. Ну, а дальше всё будет зависеть только от тебя, подруга. Как ты

смотришь на такое развитие событий?

– Иди ты к чёрту со своим сценарием! – возмутилась Фелиция, гневно взглянув на Громова. – Сама разберусь, как мне поступить.

– У чёрта мне делать нечего, а вот к Лешему я, пожалуй, наведаюсь, – невозмутимо сказал Виктор. – Как закончу обустройство твоего лагеря, так сразу и поднимусь наверх, заявлю о себе. Не принято в тайге без разрешения вторгаться на чужую территорию.

– Дело твоё, – сказала Сойкина – Я не знакома с таёжными правилами. Только чур: ни слова о моих намерениях, понятно? И не смей проявлять дурацкую инициативу!

– Да уж куда понятнее, – недовольно пробурчал Виктор. Он не привык, чтобы женщины разговаривали с ним в таком тоне, и уж более того, чтобы давали ему какие-то распоряжения. Громов был волен в своих действиях и поступках, к такому укладу жизни ему удалось приучить даже свою ревнивую супругу. Если бы подобные слова произнесла жена, ей бы, образно говоря, немножко не поздоровилось. Но сейчас перед ним была шалопутная одноклассница Фелиция. Фиска, которую он знал, как облупленную, ещё со школьной скамьи и которой мог простить всё.

– С детских лет усвоил, что любая инициатива наказуема, – усмехнувшись, добавил он. – Сейчас я оправлюсь за дровами, а ты, бездельница, достань продукты и накрой поляну для обеда.

– Для начала костёр разведи, приказчик! – бросила Сойкина в ответ, не воспринимая всерьёз повелительный тон егеря.

Для неё тридцатипятилетний Виктор Громов всё еще оставался тем ершистым Громом, которого в школьные годы она считала своим самым преданным другом и заступником. Имея взрывной характер и острый язык, Фиса иногда съезжала с катушек и произвольно оскорбляла нерадивых одноклассниц. Те же, в ответ, объединившись в непримиримую группу, с устойчивой периодичностью пытались поквитаться с обидчицей. Они выбирали удобный момент и загоняли Сойкину в угол, чтобы хорошенько оттаскать её за косы. Однако, им никогда не удавалось осуществить задуманное. Каждый раз, словно из-под земли, перед ними появлялся Гром.

Среди школьников он слыл драчуном и хулиганом, хотя это не мешало ему хорошо учиться. Виктора побаивались и безоговорочно исполняли все его требования.

...После школы Фиса поступила в университет и их пути разошлись. Вернувшись в родной город уже в качестве журналиста, она полностью погрузилась в работу, обзавелась друзьями среди коллег и о существовании Громова вспоминала редко.

Встретились они только через десять лет, совершенно случайно.

Виктор, вырвавшись после окончания школы из опосты-

левого дома, пустился странствовать по стране. Работал, где придётся, перебираясь с одного место в другое в поисках лучшего заработка.

Не смотря на частые переезды, повестка из военкомата нашла его. Виктор отслужил в ВДВ, друзья по службе сманили в геологическую экспедицию, с которой он прошагал много сотен километров по нетронутой сибирской тайге.

Когда скоропостижно скончался отчим, мать, уже тяжело больная, позвала сына к себе. Виктору пришлось уволиться из экспедиции.

Он сел в поезд и отправился на малую родину. В поезде судьба свела его с Фелицией, возвращавшейся из отпуска.

Тогда они проговорили всю дорогу, вспоминая школьные годы. Расставаясь, как водится, договорились больше не теряться, обменялись телефонами и... опять пропали надолго.

Потом было ещё несколько мимолётных встреч. Виктор сообщил, что мать умерла, и по её предсмертной просьбе он женился на медсестре. Добрая и отзывчивая девушка помогала ему ухаживать за матерью до её кончины.

– Ты счастлив в браке? – спросила она тогда, заглянув в глаза другу.

– Брак – это изъян, Фиса. Испорченная вещь, – криво усмехнувшись, ответил Виктор. – Только сейчас ко мне пришло понимание истинного значения этого слова. Те, кто придумал это слово – смотрели в корень. Росчерком пера в ЗАГСе я сделал свою жизнь бракованной.

– Чудной ты, Витя, – сказала Фелиция. – Кто тебе мешает развестись?

– Зачем? – Громов вопросительно уставился на Сойкину. – Чтобы испортить жизнь человеку? Жена любит меня фанатично и боится расставания, как огня. Зачем сжигать её чувства заживо?

– Но жить не любя – это же нечестно, противно! – вырвалось у Сойкиной. – Я бы не смогла так жить.

– Почему ты считаешь, что нечестно? Прежде чем отправиться в ЗАГС, я чистосердечно признался своей подруге, что пылких чувств к ней не испытываю.

– А она что же?

– Таня сказала, что этот факт её несколько не напрягает. Главное для неё – любить самой, ну, и чтобы я не изменял ей, не обижал.

– И ты выполняешь её условия?

– Пока не нарушал взятых на себя обязательств, – сказал Громов. – Вот если бы у меня были связи на стороне – тогда было бы действительно гадко и омерзительно. И вообще, я полагаю, что жить не любя – проще намного, чем жить любя, но порознь.

Фелиция порывалась спросить Виктора, откуда у него такое суждение, но в последний момент сдержала себя. Ещё в школе она догадывалась, что Виктор Громов влюблён в неё. Иначе с чего вдруг он стал бы защищать её от обидчиков и всячески оберегать? Она ожидала его признаний и, ожидая,

боялась этих горячих слов, поскольку не испытывала к нему трепетных чувств.

Что она могла ответить ему? Сказать, что он для неё просто смелый и волевой парень? Преданный и надёжный друг, которого она уважает? Признаться, что сердце её не воспламеняется при встречах, а щёки не загораются румянцем? И голос при разговоре с ним не дрожит от волнения, как это обычно происходит у влюблённых девчонок?

Виктор, вероятно, знал, какие слова прозвучат в ответ на его признание и потому держал свои чувства на замке, в строгой тайне от всех.

...Воспоминания были прерваны возвращением Виктора.

Он бросил на землю охапку сухого валежника, весело проговорил:

– Пользуйся моей добротой, путешественница!

– Спасибо, Гром, – ответила Фелиция, как в школьные годы. – Было бы неплохо, если бы ты ещё и огонь развёл.

– Ты, Фиса, сама попробуй, – предложил Громов, расплывшись в улыбке. – А я посмотрю, на что способна надменная принцесса без посторонней помощи.

– Спички давай! – сердитым голосом потребовала Фелиция, недовольно сверкнув глазами.

– Возьми в рюкзаке, – последовал издевательский ответ егеря. – Они в полиэтиленовом пакете, чтобы не подмокли случайно.

Сойкина фыркнула гневно, затем подошла к туго набито-

му рюкзаку, долго рылась в нём в поисках спичек.

Наконец, коробок появился у неё в руке.

Громов стоял в сторонке, наблюдал.

Дрова воспламенились лишь после многократных попыток поджога, когда егерь, не выдержав, протянул женщине кусок бересты и поучительно проговорил:

– Одной спички недостаточно, чтобы поджечь дрова без вспомогательных средств. При растопке печи пользуются лучиной, при розжиге костра – куском бересты, пучком сухой травы, стружкой сухостоя или засохшей веткой хвойного дерева, – поучительно проговорил Громов. – Неужели не приходилось самостоятельно топить печь?

– Редко, – призналась Фелиция. – Мама не доверяла мне почему-то. А если появлялась необходимость – заблаговременно загружала дрова в топку, лучина уже торчала между поленьями. Мне оставалось только чиркнуть спичкой.

– А на данный момент, как я понимаю, твои навыки успели выветриться из головы, – монотонно выговаривая слова, продолжил Громов.

Он взял топор и принялся вбивать в землю с обеих сторон костра два ивовых кола с развилинами, чтобы потом вложить в них перекладину с нанизанным чайником и котелком.

– Как это говорят острословы? Не знал, да ещё и забыл, – после некоторой паузы сказала Фелиция.

– Нет, тут лучше подойдёт так: не умела, ла ещё и разучилась.

Они посмотрели друг на друга, примирительно рассмеялись.

– Ну, вот, твой таганок готов, костёр полыхает,– сказал Громов. – Пока ты занимаешься кухней – я поднимусь наверх, отмечусь у Лешего.

Не дожидаясь ответных слов, направился к тропинке, ведущей наверх между скал.

Глава 3

Виктора Громова не было долго.

– Где ж ты запропастился, друг мой Гром? – негромко произнесла Фелиция, взглянув на пустынную кромку высокого скалистого берега, откуда скатывалась к реке извилистая тропинка. – Суп сварен, чай готов, поляна накрыта, а тебя где-то черти носят!

Солнце находилось в зените, стояла полуденная жара.

Поразмыслив, Фелиция сбросила с себя одежду, оставшись в купальнике, и отправилась освежиться в реке.

Зайдя в воду по пояс, она окунулась, проплыла небольшой кружок и тотчас вернулась к палатке. Уже растирая тело полотенцем, заметила спускающихся по тропинке двух мужчин.

Один из них был Виктор Громов, другой, по всей вероятности, тот самый таинственный отшельник, на встречу с которым она рассчитывала.

Фелиция, словно проворная мышь, юркнула в палатку. Там она сбросила с себя мокрый купальник, в одно мгновение облачилась в спортивный костюм и молнией выскочила обратно. Присев на раскладной стульчик, с охватившим её волнением стала ждать незнакомца, которого вёл за собой егерь.

Наконец, мужчины сошли с тропинки, под их ногами захрустел галечник. Фелиция увидела перед собой загадочно-го пустынного.

Нет, это был совсем не такой отшельник, образ которого витал в её голове. Леший не был сгорбленным старцем с длинными волосами и нечёсаной бородой. Она не увидела на нём чёрной рясы до пят, и шёл он без суковатой палки-посоха в руке.

Припомнив свои ошибочные представления о Лешем, Фелиция разволновалась ещё больше.

Когда мужчины приблизились к ней, она поднялась со стульчика и уставилась на высокую ладную фигуру отшельника. Незнакомец шёл с гордо поднятой головой. Внимание журналистки привлекли его аккуратно уложенные густые и слегка выющиеся волосы. Время нелёгкой жизни наложило на них свой отпечаток – седина успела полностью побелить виски, серебристые нити были разбросаны по всей шевелюре. Зоркие, насторожённые глаза Лешего смотрели на непрощенную гостью независимо.

– Вот, привёл хозяина здешней тайги, чтобы засвидетельствовать место твоей стоянки, – улыбнувшись, проговорил Громов, указывая кивком головы на стоящего рядом мужчине.

– Здравсте, – вымолвила Сойкина с натянутой улыбкой и протянула руку для приветствия. – Фелиция.

Леший не спешил ответить взаимностью и некоторое вре-

мя продолжал смотреть на гостью изучающим взглядом.

Лишь после того, когда Фелиция, почувствовав неловкость от затянувшейся паузы, стала медленно опускать руку, он молниеносно выбросил вперёд свою. Подхватив маленькую поддрагивающую ладонь женщины, Леший крепко пожал её.

– Рад встрече, – произнёс отшельник первые слова, не называя в ответ своего имени.

Не смотря на внушительную комплекцию таёжного жителя, голос его не был громовым или утробным, как ожидала услышать журналистка. Он ничем не отличался от множества других мужских голосов, которые ей приходилось когда-либо слышать, разве что тембр имел характерную бархатистую окраску.

– Как сообщил мне ваш спутник – вы журналистка? – спросил Леший.

– Да, я журналистка, – ответила Фелиция, высвобождая свою ладонь из стиснувшей её руки отшельника. – Решила вот забраться в эти дикие места, чтобы отдохнуть в одиночестве, поразмышлять о жизни, собрать кой-какой материал для будущей книги.

– Фиса, я пригласил человека к нашему шалашу, чтобы вместе отобедать, – вклинился в разговор егерь. – Так что, давай отложим разговоры на потом. Сейчас, любезная хозяйшкa, самое время пригласить гостя к столу.

– И то верно, – спохватилась Фелиция. – Присаживайтесь

к моей скатерти-самобранке. Угощу, чем бог послал.

Громов и Леший сели по-восточному, подогнув ноги и уперев руки в колени. Сойкина, на правах хозяйки стола, стояла между ними на коленях, придвигала тарелки с закусками, подала вилки и ложки, затем налила по тарелке горячего супа.

– А как же насчёт остального? – хитровато щурясь, спросил Виктор. – В вашем арсенале, мадам, как мне известно, имеется нечто интересное. Не соизволите ли вы этим нечто побаловать нас с гостем?

Среди продуктов, которые закупил Громов, имелось несколько бутылок хорошего вина и бутылка водки «Абсолют». Их Фелиция обнаружила, когда искала в рюкзаке спички. Она не успела спросить, для чего тот прихватил столько спиртного, и вот теперь ей стало всё понятно.

«Ай, да Гром, стервец! Лихо ты превратил меня в холопку, изображая из себя барина! Да ещё и смакуешь при этом! – подумала она с возмущением. – Ну, ничего, бравый егерь, придёт время, и я припомню тебе барские замашки!»

У неё от злости чуть не вырвалось: «приподними одно место, да принеси сам», но она лишь взметнула на Грома испепеляющий взгляд и послушно направилась к рюкзаку.

– Что предпочтёт наш гость? – притворно улыбаясь, спросила она. Устремив взгляд в лицо Лешего, показала бутылку французского вина и бутылку водки.

Тот не ответил, вопросительно посмотрел на Громова, да-

вая понять, что он в полном согласии с ним.

– Гость даёт понять, что предпочтёт бокал красного вина, поскольку пить водку в жару – кощунство, – театрально произнёс Громов.

Приняв из рук Сойкиной бутылку, Виктор мастерски выбил пробку, ударив по доньшку ладонью всего пару раз, затем разлил вино по кружкам.

– За твой удачный отдых, Фиса, – произнёс он.

Леший сделал маленький глоток, подержал вино во рту, дегустируя, как хороший знаток вин, и только после этого проглотил. Затем отпил ещё немного и отставил кружку в сторону.

– Прекрасное вино, Фелиция, – отметил он, нанизывая на вилку ломтик сырокопчёной колбасы. – У вас хороший вкус.

Громов, сдерживая ехидную улыбку, победоносно посмотрел на журналистку, и опережая её в ответе, произнёс:

– О, да! Фелиция большой знаток вина! Этого требует её профессия. Ей приходится довольно часто вращаться в высших кругах общества, а там, знаете ли, «Портвейн» или «Вермут» не употребляют.

«Ну, Гром, ну, ты даёшь!» – мысленно поразились Фелиция артистическим способностям и красноречию друга. – «Скрытый талант, о котором я даже не догадывалась».

И тут у неё мелькнула шальная мысль, удивить своими познаниями не только гостя, но и воткнуть ответную шпильку Громову.

Совсем недавно ей подвернулась статья о французском виноделе, дававшем интервью какому-то московскому корреспонденту. Интервью было весьма специфичным. Сейчас в памяти всплыли отдельные выражения и слова из лексикона этого винодела.

– Вообще-то, я предпочитаю вина тёмного цвета, практически чёрные, с красным оттенком, – сказала Фелиция. – У них сильный вкус, который отличается своей дерзостью с нотками ванили и поджаренных кофейных бобов. К тому же, такое вино отдаёт дубовым и фруктовым послевкусием.

Она видела, как Громов от её слов поперхнулся и закашлялся, а на лице Лешего мелькнула лишь добродушная усмешка.

– Такое вино очень подходит к мясным блюдам, особенно к молодой баранине и сырам, с выдержкой и горьким привкусом, – закончила излагать Фелиция свои ограниченные познания о французском вине.

Леший ухмыльнулся в бороду, спросил вкрадчиво:

– О каком сорте вы сейчас говорите? – в его тоне присутствовали язвительные нотки.

Наступила пауза. Фелиция поняла, что попалась на крючок. Она не могла вспомнить, о каком вине шла речь в том интервью. Ей были известны несколько сортов французских вин, но имеют ли они тёмный цвет, она не знала. Леший однозначно уловил фальшь в её словах и, очевидно, хотел насладиться провалом, когда она не сможет ответить на его во-

прос. В ожидании позорного разоблачения в голове начал разгораться очаг стыда.

Фелиция, однако, ошиблась в своём предположении. Леший, как оказалось, вовсе не собирался упиваться её признанием во лжи. Своим вопросом он лишь сделал акцент на том, что догадался о её бравате, и тут же поспешил на выручку.

– Наверно, вы предпочитаете Шато д'Армайяк? – обратился он с улыбкой.

– О-о, вы проницательный человек! – воскликнула Фелиция. – Именно это вино мне нравится больше всего. Я вижу, вы тоже неплохо разбираетесь во французских винах?

Она посмотрела в глаза Лешему – они смеялись, в них плясали весёлые чёртики.

Леший поднял кружку с вином, повертел её в ладонях, заглянул внутрь, о чём-то размышляя с улыбкой. Затем сбросил улыбку с лица и произнёс:

– Видите ли, разбираться в винах вам поспособствовала профессия журналиста, а меня к познанию хороших вин подтолкнули несколько иные обстоятельства.

– Очень интересно, и какие же, если не секрет? – поинтересовалась Фелиция.

– Это долгий разговор, – уклонился от ответа Леший. – Когда-то я тоже, как и вы, чувствовал себя непринуждённо в элитном обществе, значился одной из постоянных персон, приглашаемых на разного рода торжества. Однако, всё это осталось в прошлом. Что говорить о том, чего нельзя воро-

тить? Да, и не всякому человеку прошлое сладостью вспоминается. Как говорится, отгорели огни, облетели цветы. Предлагаю выпить за вас, Фелиция, за ваше счастливое настоящее и светлое будущее.

– Вот это правильно, – поддержал Громов. – За тебя, Фиса, я всегда готов выпить до дна, каким бы большим не был передо мной бокал!

Они чокнулись и выпили.

– Мужчины, отведайте, наконец, мой супчик, а то он остынет и будет невкусным, – озаботилась Сойкина.

– Пренебреженно, хозяйюшка, отведаем-с, – с шутливой лестью отозвался Виктор.

Когда с супом было покончено, она разлила чай. Потягивая маленькими глотками, спросила, устремив свой взор к Лешему:

– Скажите, а как ваше имя? Мне как-то неловко называть вас Лешим.

– Парадоксально, но я, не поверите, совсем забыл своё прежнее имя, – смеясь, проговорил бородатый отшельник. – И, боюсь, уже никогда не смогу откликаться на него. Раз уж народ окрестил меня Лешим – так и называйте, как все, без всякой неловкости.

– Просто мистер Икс какой-то со страшной тайной в голове, – произвольно выскочило у Сойкиной, и она тут же прикусила язык под гневным взглядом Громова.

– Пусть будет так, если хотите, – сказал Леший, поднима-

сь. – Однако, господа, мне пора. Не буду вам мешать. Спасибо за угощение и двойная благодарность – за общение. Вы, Фелиция, первая женщина, с которой я пообщался за все годы моего уединения.

– Так оставайтесь же, мистер Икс, – скороговоркой выпалила журналистка, глаза её молили отшельника остаться. – Поговорим, о чём только пожелаете.

– Извините, но я действительно не могу.

– погоди, Леший, давай ещё по одной на посошок, – попытался остановить гостя Громов, протягивая ему наполненную кружку, метнув на Сойкину негодующий взгляд. – Куда тебе спешить?

– Нет, господа, спасибо ещё раз, пойду я. У меня ещё много дел, – Леший решительно направился к тропинке, которая вела наверх.

Потоптавшись на месте, Громов поспешил ему вдогонку.

– Послушай, Леший, – сказал он, поравнявшись с отшельником. – Я хотел бы попросить тебе об одной услуге.

– Извини, друг, но я не состою в штате бюро добрых услуг, – отрезал Леший.

– Прости, не так выразился, – быстро поправился Громов. – Просьба у меня к тебе есть.

– Говори.

– Дело в том, что Фелиция остаётся здесь совершенно одна. На целую неделю. Мало ли что может произойти с самоуверенной женщиной за это время? – Громов пронзительно

посмотрел на Лешего. – Как мужик мужика прошу: присмотри за ней.

– А ты для чего? Почему бросаешь женщину на произвол судьбы?

– Да не бросаю я её! Фелиция сама пожелала побыть в одиночестве. Такая вот она упёртая женщина. Меня уговорила лишь подбросить её до этих мест.

– Что тебе мешает присматривать за ней тайком? – спросил Леший мрачным голосом. – Сделай вид, что уехал, а сам седи себе в кустах, кури бамбук и попивай водочку.

– Я бы рад, но не могу, работа не позволяет, – сказал Громов.

– Она тебе кто? – в упор спросил Леший. – Жена, любовница?

– Ни то и не другое. В школе вместе учились, одноклассница она моя. Не смог отказать.

– Ну, хорошо, присмотрю, – согласился Леший, смягчившись. – Муж у неё есть?

– Нет, а что? – поинтересовался Громов.

– Так, для сведения. Не переносу семейные разборки.

– Не будет разборок, гарантирую, – заверил Громов.

– Тогда бывай здоров, – сказал Леший и загашал прочь, не протянув руки на прощание.

– И тебе не хворать, – хмуро отозвался Громов.

Совсем скоро его лодка отчалила от берега и отправилась в обратный путь. Фелиция, помахав ему рукой, скрылась в

палатке, которая, быстро уменьшаясь в размерах, превращалась в синее пятно, а затем и вовсе исчезла из виду.

Глава 4

Странно, – подумала Фелиция, оставшись одна после отъезда Громова. – Все, кто встречался с Лешим, характеризовали его нелюдимым и мрачным человеком. Со мной же он был прост и приветлив. Напрашивается вопрос: почему? Потому что прежде эти места посещали лишь мужчины, а теперь перед ним появилась женщина? Отшельник продемонстрировал неотъемлемое позёрство мужчины, для которого крайне важно произвести впечатление на женщину? Он просто не может вести себя иначе, поскольку такое устремление заложено у него на подсознательном уровне? Следовательно, мой объект внимания – бывший ловелас и бабник?»

Сделав такой скоропалительный вывод, Фелиция непроизвольно поёжилась от отвращения. Она терпеть не могла мужчин, волочившихся за каждой юбкой. Неужели судьба посмеялась над ней, преподнеся встречу с одним из них? Неужели по этой причине не появится сногшибательный материал, на который она так рассчитывала?

Фелиция помыла посуду, отнесла продукты в грот. Там, в гранитной стене имелась небольшая ниша, её ей показал Громов и рекомендовал использовать в качестве холодильника. И действительно, камень наощупь был если на ледяным, то, по крайней мере, очень холодным.

Освободившись от дел, она решила искупаться и позагорать, благо небо оставалось безоблачным, а солнце, скатываясь от зенита к горизонту, стало не жарким, и казалось ласковым.

«Вот и увижу я, кто ты есть на самом деле, господин Леший, – рассудила Фелиция, вышагивая вдоль кромки воды, выбирая место на горячей гальке, где можно было бы прилечь. – Если в прежней жизни ты был большим любителем женского пола, то сейчас, голубчик, долго не выдержишь. Увидев меня обнажённой, обязательно клюнешь на сладкую приманку! Ты, милоч, выдашь себя с головой, а я уж потом решу, в какую сторону вытягивать твой язык».

Фелиция самодовольно рассмеялась, а затем внимательно посмотрела на вершину утёса, за которым, по словам Грома, располагалось жилище Лешего. Убедившись, что за ней не ведётся наблюдение, сняла бюстгальтер, нацепила солнцезащитные очки и улеглась на расстеленный коврик.

«А мужик-то он, всё-таки, видный и примечательный – мысленно отметила она с внутренним удовлетворением. – Фигура статная, лицо благообразное, ухоженные волосы, аккуратная и красивая борода. А глаза какие!? Необыкновенно живые и, что удивительно, меняются каждое мгновение! Когда я ухаживала за ним – они вспыхивали и горели эмоциями, излучали теплоту, а потом, стоило мне спросить его настоящее имя, вдруг угасли, сделались печальными. Видать, в вопросе о имени таится какая-то загадка. Однако, какие бы

эмоции не отражались в глазах Лешего, его взгляд не менялся, оставался мудрым и нежным».

Её мысли унеслись в прошлое пятнадцатилетней давности, когда она, очарованная внешней красотой мужчины, быстро потеряла голову и совершила непростительную ошибку. Тогда юная Фелиция ещё не успела постичь науку распознавания типов мужчин. Все они были для неё добрые и порядочные, и никто из них был не способен совершить подлость по отношению к ней.

Дожив до двадцати лет, она, по сути, ещё не знала и не понимала, что такое любовь и с какой коварностью такое явление может безжалостно разъесть изнутри весь организм. Ей не довелось испытать даже подростковой влюблённости. Выглядело это довольно странно, ибо к двадцати годам все девчонки уже имели определённый любовный опыт. Вероятно, её случай – исключение, однако, это исключение являлось неопровержимым фактом.

Когда влюблённые и обманутые подружки, уткнувшись зарёванным лицом ей в грудь, делились своими горестями, всхлипывая от обид и невыносимых переживаний, она не могла понять их внутреннего состояния. В то время неискушённая в любви Фелиция была не способна проникнуться чувством сострадания к ним. Ей казалось, что все они преувеличивают драматизм создавшегося положения.

– Перестань переживать по пустякам, – говорила она страдающей от безответной любви подруге. – Любовь – она, как

простуда, быстро приходит и быстро излечивается. Мой тебе совет: возьми себя в руки и плюнь обидчику в лицо.

– Как это... плюнь? – в недоумении спрашивала подруга, со страхом заглядывая ей в глаза.

– А вот так: подойди к своему ненаглядному, выскажи всё, что думаешь о нём, а потом плюнь в лицо и уходи, не оглядываясь. Поверь, подруга, любовь сразу отступит, тебе тут же станет легче.

– Но я не могу так поступить?

– Не можешь плюнуть – прогуляйся по физиономии подонка своими острыми ноготками.

– Но он не подонок, он любит меня. Просто так сложились обстоятельства, из-за которых мы не можем быть вместе, – пыталась оправдать своего возлюбленного подружка.

– Тогда прекрати ныть и меняй обстоятельства, – выносила свой вердикт Сойкина, не предполагая, что в скором будущем сама будет подхвачена вихрем этих самых обстоятельств.

Любовь пришла на двадцать первом году жизни.

Бог, словно смилостивился над ней, с запозданием ниспослав первого мужчину.

Избранником оказался преподаватель университета, в котором она обучалась. Красавец-мужчина был старше по возрасту на целых тринадцать лет, однако, данное обстоятельство ничуть не смущало Фелицию. Она влюбилась в кандидата философских наук по уши.

Спящие доселе девственные чувства в ней вдруг словно ожили. В голову стали приходить неведомые прежде мысли, от которых на душе делалось стыдливо и тревожно. Она пыталась гнать прочь такие мысли, и вначале у неё это получалось, но затем они стали посещать её всё чаще и назойливее, мучительно атакуя непривычными и сладострастными ощущениями внутри.

Её сердце трепетало всякий раз, когда она видела своего возлюбленного, слышала его голос, заразительный смех. Не было предела умилению смотреть в его искрящиеся карие глаза.

Фелиция вспомнила сейчас о тех мучительных отрезках жизни, которые ей пришлось тогда пережить.

Её роман был бурным и скоротечным. Уже через месяц любвеобильный философ, обещавший ей райскую жизнь, переключил своё внимание на другое наивное создание и перестал её замечать.

Это стало шоком для Фелиции. В глубине души она знала, что любимый ею мужчина потерян навсегда и возврата к прежним отношениям быть уже не может, однако принять это за действительность у неё не получалось.

Ни плюнуть обманщику в лицо, ни ударить его по ненавистой уже физиономии, ни расцарапать в кровь лицо, как она ранее советовала подружкам, у неё самой, почему-то, не хватало духу. Более того, она готова была пойти даже на унижение и пожертвовать любыми благами, лишь бы вернуть

возлюбленного, лишь бы вновь очутиться в его жарких и страстных объятиях – так сильно прикипела она к нему. Однако все концы были обрублены, для возобновления прежних отношений не осталось никакого варианта.

Фелиция повернулась на живот, сняла очки, приподнялась и посмотрела на кромку скалистого берега. Утёс по-прежнему был безлюден.

«Интересно, чем он сейчас занят, о чём думает? – мелькнула мысль о Лешем. – Как воспринял моё появление? Не может быть, чтобы он, вернувшись в свою берлогу, тотчас выбросил меня из головы. Он, хоть и отшельник, а, всё-таки, мужик, и всё мужское, надо полагать, ему не чуждо», – Фелиция в очередной раз самодовольно хихикнула.

Если бы кто со стороны посмотрел в этот момент в её глаза, то непременно заметил бы, как они озорно вспыхнули.

«Раскрою я твою тайну, Леший, – с твёрдой уверенностью подумала журналистка, поворачиваясь снова на спину. – Что бы мне этого не стоило».

Перед глазами тотчас всплыло его благообразное лицо.

– А ведь он понравился тебе, – произнесла Сойкина негромко, обратившись сама к себе, и снова на её лице проскользнула озорная улыбка. – Признайся, Фиса, от себя-то зачем скрывать? Никто ведь об этом не догадается и не узнает.

Высказавшись вслух, она вдруг испугалась своих слов. Резко приподнялась, опустила очки на кончик носа, огляде-

лась внимательно по сторонам в поисках того, кто мог её подслушать.

«Вот глупая, – подумала журналистка, успокоившись. – Взбрѣдет же в голову такая чушь! Кто здесь может находить-ся кроме тебя самой? Гром уже далеко отсюда, Леший уполз в свою берлогу».

Фелиция хотела снова прилечь, как вдруг её мимолётный взгляд зафиксировал на утѣсе человека. На том самом утѣсе, на котором когда-то стоял совсем ещё юный Виктор Громов.

До сидящего на скамейке человека было далеко, однако его можно было разглядеть детально. Это, несомненно, был Леший. Другого человека в яркой бирюзовой футболке здесь просто не могло быть. Фелиция сразу узнала его. Он сидел неподвижно, и смотрел совсем не в её сторону.

«Не иначе, переваривает в голове встречу со мной, – отметила она с удовольствием и развеселилась от пришедшей мысли. – Размышляет, бедняга, как вести себя в сложившейся ситуации. Что ж, Леший, посиди, подумай, а я подожду. Мне спешить некуда. Статью о тебе я всё равно напишу, а вот сюжет её будет зависеть от твоих поступков».

Фелиция пролежала, периодически переворачиваясь с живота на спину, около часа. За это время солнце успело скатиться с горизонта и готовилось полностью укрыться за верхушками старых елей. Тень от них, крадучись, медленно ползла по галечнику, норовя в ближайшее время накрыть путешественницу своим покрывалом.

Обнаружив, что солнечным ваннам приближается конец, Фелиция встала и осмотрелась вокруг. До ужина оставалось ещё достаточно времени и возвращаться к палатке вовсе не хотелось. Нужно было отыскать новое место, куда солнце будет посылать золотые лучи до вечернего заката.

Её взгляд остановился на небольшом островке, который намыла река. Посредине островка зеленели кусты ивняка, а по краю простиралась песчаная полоска. В ярких лучах солнца песок казался золотым.

«Вот там и проведу время до ужина, – окончательно решила Фелиция. – Пока позволяет погода и время, нужно хватать загар».

Она вскинула глаза на утёс – отшельник продолжал сидеть, взирая вдаль.

– Аристотель, – насмешливо проговорила Фелиция, не опасаясь быть услышанной. – Размышляешь о вечном и никак не можешь отыскать ответ на избитый вопрос: есть ли жизнь после смерти и, если есть, то какой почести тебя удостоят на небесах?

Ей в голову пришла сумасбродная идея. Что если сейчас сбросить с себя трусики и на глазах Лешего перейти протоку вброд полностью обнажённой? Когда ещё у этого нелюдима представится возможность узреть эротическое шоу?

Всего пару секунд потребовалось ей для принятия безрассудного решения.

Сделав вид, будто не усмотрела Лешего на утёсе, Фелиция

неторопливо сняла трусики и, подхватив коврик, шагнула в воду.

Протока была неширокой, её глубина достигала авантюристке по пояс.

Преодолев водную преграду, Фелиция не стала выходить на берег. Она бросила коврик на песок, а сама осталась стоять по колено в воде. Развернувшись лицом к солнцу, вытянула руки вверх. Её подмывало вскинуть взгляд на Лешего и увидеть его реакцию.

«Не стоит этого делать, Фиса, ты можешь оказаться невольной свидетельницей падения человека со скалы», – подумала журналистка, фантазируя. На её лице скользнула ехидная усмешка.

Когда она, всё-таки, осмелилась искоса взглянуть на вершину утёса, Лешего там уже не было. Фелиция очень удивилась и машинально прошлась взглядом по противоположному берегу – вдруг он свалился со скалы на самом деле? Но её глупая мысль не подтвердилась.

Леший словно испарился.

«Что, Аристотель? Увидел голую женщину и сразу нашёл ответ на все вопросы? – обратилась она мысленно к отшельнику и фыркнула от досады. – Думаешь, сбежав от жаркой эротики, тебе удалось положить конец моим фантазиям? Нет, дорогой мой человек! Наивно полагаешь, что тебе удастся так просто избавиться о меня. Не для того я тащи-лась в эту тьму-таракань, чтобы провести неделю в полном

одинокестве. Я поставила перед собой цель, и я добьюсь её. Ты здесь одинокий волк, а я явившаяся к тебе хитрая лисица. Тебе даже в голову не может прийти, на что способна журналист Сойкина!»

Она вышла из воды и распласталась на тёплом песке, даже не подстелив под себя прихваченный коврик.

Глава 5

Фелиция валялась на песке до тех пор, пока он не остыл.

Солнце ещё не скатилось за горизонт, но его лучи уже не грели и не ласкали тело. Над островком поднялся ветерок, от реки потянуло свежестью.

Пора было возвращаться к палатке и заняться ужином.

Свернув коврик и сунув его подмышку, Фелиция, поёжившись, зашла в воду. Благополучно добраться до берега ей не удалось.

На середине протоки, ступив на большой гольш, покрытый слизью, она поскользнулась и, взмахнув руками, ушла под воду с головой. Коврик выскользнул и, подхваченный течением, устремился вперёд. Встав на ноги, Фелиция рванулась за ним, но снова поскользнулась и почувствовала пронзительную боль в лодыжке. Охнув, снова скрылась под водой.

Вынырнув во второй раз, она с удручённым видом посмотрела вслед уплывающему от неё коврику и матерно выругалась.

Кое-как добравшись до берега, Фелиция прихватила оставленную здесь одежду и, не одеваясь, по-прежнему оставаясь голой поплелась к палатке, с осторожностью ступая на травмированную ногу.

Она облачилась в спортивный костюм, достала бинт и туго перевязала лодыжку. Боль немного утихла, но передвигаться, опираясь на ступню, было мучительно.

«Надо изготовить костыль, – пришла в голову дельная мысль. – Напрягать ступню нельзя».

Фелиция взяла топор, с трудом доковыляла до разлапистого куста ивы, принялась перерубать одну из веток.

От неумелых и слабых ударов топора ветка пружинила и отскакивала, лезвие оставляло на ней лишь незначительные зарубки. В результате ей пришлось очень долго тюкать по одному месту, прежде чем боковой побег куста очутился у неё в руке.

«Кажется, я переоценила свои способности по выживанию, – с тревогой отметила она про себя. – Первая же трудность привела к замешательству, а впереди ещё целая неделя одиночества. Грома не вызовешь, Лешему теперь до меня нет никакого дела. Сколько ещё выпадет испытаний на мою голову? Справлюсь ли я, самонадеянная дура? А главное, что с ногой? Вывих? Разрыв связок? Что же, чёрт подери, нужно сделать при такой травме?»

Чертыхаясь, Фелиция дотащила ветку до кострища, где Громов уложил бревно. Взмахнув топором, отрубила второй конец, оставив развилину для упора под плечо, и принялась снимать кору. С горем пополам ей удалось изготовить костыль. Скрутив кофту в комок, она вложила его в развилину, ткнула подмышку, сделала несколько пробных шагов и

почувствовала, что передвигаться стало намного легче.

«Может, позвать на помощь Лешего? Заголосить благим матом на всю округу, как предлагал Гром? – подумала Фелиция, но тут же отвергла такой вариант. – Нет, пожалуй, не следует унижаться перед ним. Подумает ещё, что я преднамеренно травмировала ногу, чтобы привлечь его внимание к себе. Впрочем, он может и не думать так, если наблюдал за мной. Он однозначно видел, как всё произошло. Тут и объяснять ничего не нужно. Надо лишь немного подождать, и Леший сам спустится ко мне. Не жлоб же он в самом деле?»

После такой мысли Фелиция немного успокоилась и приступила к разведению костра. К её удивлению, дрова воспламенились сразу, бойкие языки пламени принялись с жадностью лизать сухой хворост. Через несколько минут костёр обрёл силу.

«Спасибо тебе, Гром, за хороший урок, – мысленно поблагодарила она егеря, подвешивая над огнём чайник. – Одной проблемой у меня будет меньше».

Поужинав банкой рыбных консервов и попив чаю, Фелиция, опираясь на костыль, направилась к реке помыть кружку с ложкой.

В эту минуту её, опирающуюся на самодельный костыль, увидел Леший, который оказался неподалёку.

Не раздумывая, он свернул к палатке.

– Что с вами стряслось? – спросил Леший озабоченно.

– Чуть шею не свернула, когда переходила протоку со сто-

роны островка, – доложила Фелиция. – Поскользнулась на камне и вот результат.

– Вывих, ушиб или ещё хуже?

– А чёрт его знает, – высказалась Фелиция, хорохорясь. – У травматолога сегодня не приёмный день, диагноз поставить некому.

– А ну-ка, позвольте мне посмотреть вашу ногу, – потребовал Леший, опускаясь перед женщиной на колени. – Если вовремя не предпринять необходимых мер, промедление может сотворить с вами злую шутку.

– Вы что, врач?

– Типа того, – ответил Леший неопределённо.

Фелиция беспрекословно подчинилась ему, села на галечник и закатила штанину брюк.

Леший размотал бинт, внимательно осмотрел ногу.

– Щелчок слышала? – спросил он.

– Какой щелчок?

– Когда поскользнулась – щелчка в суставе не слышала?

– Вы издеваетесь?

– Ничуть. При полном вывихе слышен щелчок – кость выскакивает из сустава.

– Я с головой под воду ушла, когда нога подломилась. Адская боль пронзила, не до прослушивания было.

– У вас появилась гематома, повреждены кровеносные сосуды, уже возник отёк, возможен частичный разрыв связок.

– Что это значит? – спросила с тревогой Фелиция.

– Это значит, что нужно немедленно приступить к лечению, – последовал ответ. – Пальцы шевелятся?

Фелиция пошевелила, согнув их вместе несколько раз.

– Перелома нет, а это уже большой плюс, – сделал заключение Леший. – Посмотри на реку, что там видно?

– Где? – в недоумении спросила Фелиция, поддавшись на провокацию, и повернула голову в сторону.

Леший воспользовался моментом и в одно мгновение поставил кость на место. Журналистка вскрикнула от пронзившей её боли.

– Ну, вот, дело сделано, – улыбнулся он с довольством на лице. – Осталось втереть мазь и принять обезболивающее.

– Вы... вы специально заставили меня посмотреть на реку? – возмутилась Фелиция, морщась от боли.

– Да. Мне нужно было отвлечь вас, чтобы мышцы ноги расслабились, а кость легко вернулась на место.

– Кто вы, мистер Икс? – спросила Фелиция в упор. – Врач или костоправ-самоучка?

– И не тот, и не другой.

– Тогда что означает ваше заявление «типа того»?

– Имею практический опыт оказания первой медицинской помощи.

– И где вы его приобрели? – с присущей журналисту въедливостью начала допытываться Фелиция.

– У вас это профессиональная привычка? – спросил Леший, улыбнувшись.

– Что вы имеете в виду?

– Въедливо проникать в душу человека.

– Возможно. Брать интервью – моя повседневная работа.

Но в данном случае – простое женское любопытство.

– Как я понимаю, мне придётся удовлетворить его?

– Можете не делать этого, если вам нравится придавать своей персоне таинственность, – с вызовом проговорила Фелиция.

– А вы к тому же ещё и обидчивы, – отметил Леший, заканчивая перевязку ноги. – Это у вас от природы или аллергическое восприятие моей персоны?

– Это реакция на чрезмерно вежливых людей, – не замедлила сказать в ответ Фелиция.

– Спасибо за откровенность, – рассмеялся Леший. – В таком случае и я буду с вами откровенен. Медицинские навыки я приобрёл в Афганистане. Вывих ступни в горах – не редкостный случай для солдата. Нас обучали, как быстро и правильно вправлять кости на место.

– Вы воевали в Афганистане? – в глазах Фелиции вспыхнул огонёк неподдельного интереса.

– Довелось.

Фелицию подмывало продолжить расспросы, но, вспомнив реакцию Лешего на её вопрос об имени, она предпочла больше не полагаться на удачу.

– Мне придётся оставить вас на некоторое время, – сказал Леший. – Нужно сходить за медикаментами.

И ушёл, не оборачиваясь. А Фелиция принялась строить в голове план выуживания информации из его уст.

«Нутром чувствую, что у этого человека очень разноцветная биография, – подумала она, провожая взглядом Лешего. – Материал – супер! И не только для хорошего репортажа. Жизнь Лешего, похоже, была бурной и разухабистой. Её можно изложить в прозе! Главное сейчас – подобрать ключик к самолюбию. И тогда он разговорится сам!»

Фелиция давно мечтала написать книгу, но не находила хорошей темы для романа. Ей хотелось острого сюжета с любовными сценами и хитроумной захватывающей интригой, в которую будущий читатель был бы вовлечён с первой главы и читал бы её творение до конца, не отрываясь. Писать, погрязнув в обыденщине и выбрасывая из уст героя банальные мысли, её вовсе не прельщало. Её книга не должна пылиться на полке магазина. Роман обязан непременно стать бомбой, взорвать книжный мир и сделать автора Сойкину известной.

Леший возвратился нескоро. В руках у него была аптечка с красным крестом.

– Вас не было слишком долго, и мне даже подумалось, что вы уже больше никогда не придёте, – высказала свои опасения Фелиция, встречая Лешего взглядом.

– Отчего вдруг такие мрачные мысли? – Леший изучающе посмотрел в глаза журналистки, опускаясь перед ней на корточки и раскрывая аптечку.

– Решила, что опять чем-то оскорбила ваши чувства. Я

знаю, что у меня отвратительный характер, но – увы, ничего не могу поделать с собой. Близкие мне люди давно привыкли к моей манере общения и не придают этому факту особого значения.

– Не наговаривайте на себя лишнего! Это ваши выдумки, выбросите их из головы. Я не из той категории людей, которые способны обижаться по любому поводу, – проговорил Леший. – К тому же, я убеждён, что настоящий мужчина не может и не должен обижаться на женщину ни при каких обстоятельствах.

– Похвально, но слишком категорично, – заметила Фелиция.

– Почему же?

– На мой взгляд, существует ряд причин, при которых мужчине позволительно не только обидеться на женщину, но и возненавидеть её.

– Эх, куда вы хватили! – Леший открыл аптечку, извлёк тюбик с какой-то мазью, выдавил небольшую порцию на ладонь, принялся втирать в травмированную лодыжку.

– Позвольте вас спросить? – отважилась обратиться с вопросом Фелиция.

– Откуда у отшельника в тайге современные медикаменты? – усмехнулся Леший.

– Как вы догадались?

– У вас на лице написан этот вопрос. Уставились на аптечку, пытаетесь прочесть наименование мази. О чём ещё мож-

но спросить?

– Действительно, о чём ещё можно спросить человека, отказавшегося от общения с внешним миром много лет назад, когда у него в руках современная аптечка? – сделала удивлённые глаза Фелиция.

На лице журналистки застыло явное ожидание реакции отшельника. Её вопрос имел определённый смысл, как пробный шар в начале некой игры.

– Отказ от общения с внешним миром вовсе не означает о полной утрате связей с ним, – пояснил Леший. – По мере необходимости я посещаю ближайший населённый пункт, пополняю запасы продуктов, пороха, дроби, ружейных принадлежностей и хозяйственного инвентаря.

– Перетаскиваете всё это на себе? – поразилась Фелиция, представив на миг, как Леший с непомерно тяжёлым грузом шагает через бурелом несколько десятков километров.

– Почему на себе? У меня есть лодка, все тяжёлые грузы перевожу на ней.

– И как часто это происходит?

– Один раз в год.

– Не скучно вам так... жить?

– Как – так? – улыбнулся Леший.

– Ну... в полном одиночестве, без пользования достижениями цивилизации.

– Я здесь не одинок.

– Как понять – не одинок?

– Тайга – это ведь не космос, не безжизненное пространство. В ней каждый квадратный метр наполнен жизнью – звери, птицы, насекомые. Они рычат, воют, кричат, поют, щебечут. Весь этот удивительный и таинственный мир вызывает у меня только положительные эмоции, – в глазах Лешего мелькнуло откровенное умиление, они, как показалось Фелиции, даже слегка увлажнились. – Я не рассматриваю одиночество, как отсутствие человека рядом с собой. На мой взгляд, это в корне неверное представление.

– Вот как! – с удивлением воскликнула Фелиция. – И что, по-вашему, является настоящим одиночеством?

– Состояние человека, при котором нестерпимо болит душа, когда в ней не осталось ничего, кроме страдания. Когда человек надоел сам себе и презирает себя за совершённые поступки.

Леший закончил втирать мазь, обтёр ладони куском белой материи.

– Неделю ограниченного передвижения вы себе обеспечили, – сказал он. – Ноге нужен покой.

– Значит, купание и прогулки под запретом? – поинтересовалась Фелиция.

– Увы. Вы сами себе создали такие условия.

– Почему сама? Это был несчастный случай.

– Его могло и не быть, если бы вы не попёрлись на остров в чём мать родила, – возразил Леший.

– Так вы всё видели? – Фелиция почувствовала, как лицо

её неожиданно стало наливаться краской от стыда.

– Не всё, а лишь начало вашего слияния с природой. По крайней мере, мне хочется думать именно так, а не иначе, – сказал Леший.

– А разве бывает по-другому?

– Бывает. И это «иначе» можно расценивать, как пошлую провокацию или даже эксгибиционизм. Вы не слышали о таком заболевании?

– Никогда, – соврала Фелиция, не моргнув. – А что это такое?

Леший внимательно посмотрел на неё, словно хотел убедиться в искренности интереса, и, не отводя взгляда от разругавшегося лица, пояснил:

– Это когда человек испытывает удовольствие, показывая своё обнажённое тело совершенно незнакомым людям.

«Боже, как гадко он подумал обо мне! – мелькнула у неё мысль. – Кажется, я переборщила».

Не подавая вида, что стусевалась, Фелиция сказала напускным извиняющимся тоном:

– Я даже не предполагала, что вы можете находиться неподалёку. Иначе не вела бы себя так бестактно. Извините.

– Я так и подумал, – снисходительно ухмыльнулся Леший, – поэтому сразу удалился подальше от колыбели натуризма.

– Вы мне не верите? – Фелиция сделала обиженное лицо.

– Что вы! У меня нет оснований не верить вам, – ответил

Леший уже без ухмылки. – Вот, возьмите таблетку, выпейте. Она устранил боль. Мазь я вам оставляю, втирайте три раза в день.

– Спасибо. Вы оставляете меня одну? – спросила Фелиция.

– Не смею причинять вам неудобства, – последовал ответ. – Зачем мешать гармонии человека с природой?

– Какие могут быть неудобства?

– Ваш друг сообщил мне, что вы намерены заняться творчеством. Поэтому, творите на здоровье, а я не буду лишним раз мельтешить перед вашими глазами, – категоричным тоном проговорил Леший. – Завтра я вас навещу. До свидания.

– До свидания, – растерянно сказала Фелиция.

Леший слегка поклонился и быстрым шагом удалился от палатки.

Глава 6

Как только над тайгой сгустились сумерки, грянул дождь с грозой. Небо, рассекаемое ослепительными молниями с оглушительным грохотом, казалось, раскалывалось на части. Дождь был холодный, с порывистым ветром. Тяжёлые водяные струи крупной дробью массирующе били по крыше избышки, словно намеревались превратить её в решето. Ливень хлестал, не утихая, и, по всем признакам, не собирался униматься ещё долгое время.

Леший лежал в своём ложе с закрытыми глазами, прислушивался к звукам разбушевавшейся стихии. Уснуть никак не удавалось.

Пару раз он вставал, выходил на залитую водой маленькую веранду, вдыхал насыщенный влагой воздух. Потом заглядывал в чёрное небо в надежде отыскать в нём желанное просветление, и, не обнаружив его, вновь возвращался в избу.

Подобные ночные ливни случались много раз, однако прежде они не мешали ему спать. Скорее наоборот: наступающая со временем монотонная дробь дождя незаметно притупляла все чувства и вызывала убаюкивающее действие. Леший засыпал, как младенец, и не пробуждался до рассвета.

Сегодня такого не происходило, и он знал, чем это было вызвано. Причиной являлась не гроза, а угроза по имени Фелиция. Именно она невольно разворошила его забытое прошлое, картины которого всплывали перед глазами.

«Довольно редкое имя, – отметил про себя Леший. – Интересно, кто её так нарёк? Отец или мать? И вообще, что за птица эта Фелиция, которая беспардонным образом пытается вторгнуться в чужую жизнь? Что на самом деле привлекло её сюда?»

Однажды, семь лет назад, когда произошёл коренной перелом в его жизни, он принялся вспоминать всех своих женщин, с которыми когда-либо сводила судьба, записывая одинаковые имена в отдельные колонки. Ни в одной из них имя Фелиция не значилась.

Эти списки хранились у него и сейчас, в отдельной шкапулке, вместе с книгой воспоминаний, которую он вёл первые три года отшельничества.

Сначала это был своего рода дневник задним числом, напоминающий исповедь грешника, который не осмелился предстать перед священником. Кому он мог дать её для прочтения? Разве что отнести тому священнику, который благословил его на отшельничество? Но покаяние в письменном виде святой отец не примет, однозначно.

И тогда, после некоторых раздумий, Леший решил внести ряд изменений и дополнений. Он сделал некоторые правки в тексте, включил диалоги с прямой речью, и дневник пре-

вратился в некий сборник рассказов. Повествования были посвящены тем женщинам, которые оставили наиболее яркий след в его жизни. Спустя годы он вёл мнимый разговор с ними посредством прозы. Подробно описывая свои похождения (как на исповеди), начинающий писатель не стеснялся изложения жарких любовных сцен.

«Всё равно никто и никогда не прочтёт того, что я намараю», – рассудил он.

Сборник имел даже условное название – «Хронология любви и разочарований».

С какой целью он это делал – Леший не мог объяснить себе даже спустя годы. Вероятно, в первые месяцы сказывалось отсутствие общения, которое было неотъемлемой частью его прежней жизни. Угнетало постоянное безмолвие, в связи с чем и появилась интуитивная потребность излить душу.

Он хорошо помнил, когда появилось желание изложить свои мысли на бумаге. Это был один из тёмных и тоскливых зимних вечеров.

В тот день за окном бесновалась вьюга и слышалось протяжное завывание волчьей стаи. Чтобы как-то отвлечься, он положил перед собой чистую тетрадь и принялся излагать сначала сумбурные, а затем уже более осмысленные и упорядоченные мысли.

Леший вспоминал своих женщин, задавал им разнообразные вопросы, которые обязательно задал бы, случись у него встреча с ними. Он мысленно становился на место себе-

седницы, долго размышлял над ответом, и лишь потом вкладывал мысль в уста своей героини.

Занятие увлекло и всецело поглотило его.

За три года «общения с дамами» появились три толстых тетради, исписанных мелким убористым почерком. Однако, ни в одной из них не нашлось места для диалога с первой любовью. Леший вычеркнул Светлану из своей жизни навсегда и не хотел никакого «разговора» с ней.

Первое время Леший изредка перелистывал исписанные тетради, делал в них кое-какие правки, а потом интерес к ним пропал. Волнующие его вопросы были заданы, «ответы» получены. Греховная жизнь мужчины-самца канула в прошлое, в которое ему больше не хотелось возвращаться. Четыре года он не открывал шкатулку и не прикасался к записям.

И вот когда, казалось бы, началась праведная жизнь, неожиданно-негаданно явилась эта бестия-журналистка. Мимолётного общения с ней было вполне хватило для того, чтобы укрощённая уединением душа вдруг взорвалась, а мужское начало за многие годы одиночества вновь взбунтовалось.

Леший достал с полки чистую тетрадь, взял ручку и вывел на первом листе крупными буквами: «ФЕЛИЦИЯ. 666-я женщина Лешего. Соблазн дьявола или милость божья?»

Покрутив ручку между пальцами, положил её на стол, встал, походил по комнате, поразмышлял.

О чём писать? О том, что, встретив журналистку, вспомнил свою первую любовь? А для чего, спрашивается? И, главное, для кого? Кому, кроме самого себя, нужна эта галиматья размышлений? Не проще ли отбросить в сторону все опасения, да сойтись поближе с этой самоуверенной авантюристкой? А что? Сесть напротив и пристально заглянуть ей в глаза, как это делал когда-то, обольщая очередную красотку. И так, слово за слово выведать все её желания и устремления. После этого станет ясно, как вести себя в дальнейшем. В конце концов, на этой территории он хозяин, а не какая-то пришлая дамочка, перед которой он должен пасовать!

Леший остановился перед окном, посмотрел на стекающие непрерывным потокам водяные струи, задумался. Его вдруг осенило.

«Что, если эта журналистка – именно тот собеседник, который поможет найти ответ на главный вопрос: жить в тайге до последних дней жизни, или же возвратиться в мир цивилизации?» – мелькнуло в голове.

Подержав тетрадь в руках некоторое время, Леший положил её на прежнее место поверх полки. К нему неожиданно пришло убеждение, что он поступит более разумно, если на какое-то время составит Фелиции компанию.

«По крайней мере, пока она больна и беззащитна – мой человеческий долг быть рядом с ней», – сделал он окончательный вывод. Подумав так, уже в следующий момент с тревогой подумал: «Боже мой! А каково ей сейчас одной на бе-

регу? Мечется, поди, бедняга в палатке от страха? А, может, и палатку уже сорвало ветром? Или поток воды сверху сейчас заливает её стоянку?»

Леший без промедления надел брезентовый плащ с капюшоном, взял фонарь и отправился на берег.

Дождь продолжал бушевать, не ослабевая ни на миг. Всё вокруг утонуло во мраке. И даже луч фонаря, с трудом пробивавший брешь во тьме сквозь стену ливня, казалось, не выдержит сопротивления и в одно мгновение будет уничтожен стихией.

Леший почти наощупь пробрался к реке, высветил палатку.

«Устояла, слава богу, – отметил он с удовлетворением. – Молодец, егерь, надёжно установил».

Бурный поток воды, скатывающейся с береговой кручи, пробил себе дорогу буквально в метре от крайнего колышка палатки и пока не представлял угрозы подтопления.

«Повезло тебе, подруга. А ведь могло быть всё иначе», – мелькнуло у Лешего в голове.

Он подошёл вплотную, громко произнёс:

– Эй, хозяйка, ночных гостей принимаете?

Ответа не последовало.

– Фелиция, это я, Леший.

– Что вам нужно? – слышался хриплый и встревоженный голос из палатки. – Я, кажется, не приглашала вас к себе на ночлег.

– Не бойтесь, я не причиню вам ничего плохого. Можно войти?

– Войти у вас не получится, а вот вползти – вполне реально.

Фелиция лежала в спальном мешке, из которого виднелась одна голова.

– Полагаю, вы проходили мимо и решили заглянуть на огонёк? – съязвила журналистка, щурясь от света фонаря.

– Не совсем так, – ответил Леший, улыбнувшись. – Запутал в темноте и совершенно случайно наткнулся на вашу палатку.

– Ах, вот как! Что ж, не мудрено сбиться с пути в крошечной тьме. Охотно верю. Интересно, а что побудило вас бродить ночью в такую непогоду?

– Чувство долга.

– А если конкретнее?

– Хотелось убедиться, что с вами всё в порядке. Ваш друг, уезжая, просил приглядывать за вами.

– Слава богу, не смыло водой и не унесло ветром, – сказала Фелиция. Голос у неё был глухой и немного дрожал.

– Это пока не смыло, – отметил Леший, оглядывая тент.

– Что значит – пока?

– У вас палатка старого образца. Ткань не выдерживает длительного воздействия дождя и со временем начинает пропускать воду.

Леший направил луч света на пол в угол палатки – там уже

образовалась большая лужа.

– Ещё немного и вам понадобилось бы весло, – сказал Леший.

– Для чего? – спросила Фелиция, не уловив подвоха в голосе гостя.

– А вы не догадываетесь?

– Нет.

– Чтобы управлять спальным мешком, как лодкой, выходя из палатки наружу.

– Ехидничаете?

– Я поражаюсь вашему хладнокровию. Уже много часов вокруг бушует стихия – а вы в полной темноте лежите беззаботно в спальнике и ведёте себя так, будто ничего вокруг не происходит. Неужели вам не приходило в голову включить фонарь и осмотреться?

– Нет, не приходило.

Леший придвинулся ближе, посмотрел в лицо журналистке. Оно показалось ему нездоровым. Его ладонь легла на лоб Фелиции.

– О-о, уважаемая, да у вас жар! Вы вся горите!

Несколько часов назад Фелиция почувствовала некоторое недомогание, но не придавала этому значения.

«Переохладилась, вероятно», – подумала она. Забравшись побыстрее в спальник, согрелась и даже смогла уснуть ненадолго. Проснувшись, ощутила в теле слабость и сильный озноб.

– Вам нельзя здесь оставаться, – заявил Леший. – В палатке холодно и сыро. Это усугубит ваше состояние.

– Вы предлагаете провести обмен жилищами? – съязвила Фелиция ослабевшим голосом.

– Я предлагаю перебраться ко мне. И это не обсуждается.

Фелиция с трудом выбралась из спального мешка, тело её вибрировало, голова кружилась.

«Что со мной происходит, чёрт возьми? – с тревогой подумала она. – Простыла или виной всему травмированная нога?»

– Надолго? – спросила она, извлекая из рюкзака вещи первой необходимости.

– Что, простите?

– Похищаете меня надолго?

– Это не похищение, а эвакуация. Возврат будет зависеть от состояния вашего организма.

Фелиция склонилась над рюкзаком и замерла в нерешительности.

– За вещи можете не беспокоиться, – догадался Леший о размышлениях журналистки. – Мародёров здесь нет, а вещи, которые вам потребуется – я смогу принести в любое время.

Журналистка кивнула головой в знак согласия и тихо произнесла:

– Ну, что ж, ведите.

Леший помог ей надеть накидку от дождя, взял узелок с предметами первой необходимости и первым покинул палат-

ку.

К их счастью, ливень немного утих, на горизонте обозначилось едва заметное просветление.

Через минуту они медленно двинулись к жилищу Лешего. Опираясь на костыль, Фелиция с большим трудом перебирала ногами. Они стали будто ватными и казались неуклюжими, норovia в любую секунду подломиться в коленях и обрушить её тело наземь. Пройдя в напряжении с десятков метров, она остановилась и тем же тихим голосом произнесла:

– Спасибо за заботу, но я, пожалуй, возвращусь назад.

– Это ещё почему? – с недоумением спросил Леший.

– Я переоценила свои силы. Мне не подняться на утёс – ноги подкашиваются.

– Не беспокойтесь. Вам не придётся карабкаться на четвереньках. Наверх вас доставит лифт, – улыбнулся Леший.

– Лифт? Вы шутите? Какой может быть лифт в тайге?

– Вы читали роман Даниэля Дефо «Робинзон Крузо»?

– Читала, в детстве. Правда, сюжет помню лишь в общих чертах.

– А я его знаю почти наизусть. Эта книга помогла мне во многом в первые годы одиночества. И, в первую очередь, воспитала во мне силу духа.

– И лифт, надо полагать, вы построили благодаря консультациям с виртуальным Робинзоном Крузо?

– В некоторой степени – да. Я решил бросить ему вызов и попробовал посостязаться с его изобретательскими способ-

ностями.

– И как? – успела спросить Фелиция и почувствовала, как её голова закружилась, а свет фонаря поплыл куда-то в сторону. Силы вдруг покинули её, пространство вокруг плыло и качалось, она была не в состоянии противиться подступившему приступу и потеряла сознание...

Глава 7

Очнулась Фелиция уже в избушке Лешего. Она лежала на топчане под одеялом, укутанная до подбородка. Хозяина в доме не было. Ее собственная накидка от дождя и спортивный костюм были развешены на верёвке рядом с печью. Они были чистыми и сухими.

«Он меня раздел?! – мелькнула первая тревожная мысль. – Но для чего? Он что-то со мной сотворил?»

Фелиция резко отбросила одеяло, ожидая увидеть обнажённое тело со следами насилия. Однако, её тело оказалось облаченным в мужскую рубашку и брюки из плотной ткани. На ногах были шерстяные носки.

«Я же потеряла сознание и, по всей вероятности, упала прямо на раскисшую землю, – догадалась она и с приятным облегчением выдохнула. – Вполне естественно, что Леший снял с меня мокрую и грязную одежду. Не мог же он уложить меня грязную и промокшую до нитки в чистую постель? В добавок к этому, он ещё и одежду мою постирал! – Фелиция почувствовала, как где-то внутри неё прокатилась волна благодарности к отшельнику. – И когда это он успел? Стоп, а сколько времени я пробыла в беспомощности? И где сам Леший?»

Журналистка поднялась с топчана, с осторожностью ступила на травмированную ногу. Боль стала меньше, но никуда не исчезла. Знакомой палки-костыля поблизости не оказалось, зато у дверей стояла обыкновенная «лентяйка» для мытья пола. Прыгая на одной ноге, она взяла швабру в помощь и, опираясь на неё, вышла на крыльцо. Хозяина не было видно и на прилегающей территории.

– Леший, ты где? – громко выкрикнула она.

Не получив ответа и постояв с полминуты, Фелиция крикнула ещё громче:

– Ау, Леший! Ты где запропастился?!

Ответа не последовало и на этот раз.

Дождя не было и, судя по просохшей земле, он закончился уже давно.

Фелиция подняла глаза к небу, по нему медленно тащились низкие тяжёлые облака, не оставляя ни малейшей надежды на появление мимолётного луча солнца.

Она простояла с запрокинутой головой некоторое время, наблюдая за движением облаков, и не заметила, как к крыльцу приблизился Леший.

– Очнулась, путешественница? – послышался сбоку его ровный бархатистый голос. Фелиция резко обернулась. Леший пристально смотрел на неё. В одной руке он держал удочку, в другой был ивовый пруток с нанизанной на него свежей рыбой.

– Как самочувствие? – поинтересовался он, не дожидаясь

ответа на первый вопрос.

– Намного лучше, чем накануне, – сказала Фелиция. – Боль утихла, озноб прошёл.

– Это очень хорошо. Значит, быстро пойдёшь на поправку, – сделал заключение Леший. – А то я уж было обеспокоился: как бухнулась на берегу в беспамятстве, так и не приходила в чувство ни на минуту.

– Долго я провалялась?

– Больше полутора суток глаз не открывала.

– О-очень интересно. Что же произошло со мной? – с неподдельной тревогой в голосе спросила Фелиция.

– Наверно, защитная реакция организма сработала. Такое случается, когда он испытывает определённый стресс.

– Стресс? – удивилась Фелиция. – Какой может быть стресс, если в последние дни я не влипала ни в одну остро-сюжетную историю. Да и вывести меня из равновесия сложно, я устойчивая к стрессу.

– Был стресс или не было его – тебе лучше судить. Это всего лишь моё предположение. Но факт адаптационного периода твоего организма налицо, а это означает, что в нём произошёл какой-то сбой, возможно, наступило энергетическое истощение.

– И что нужно делать?

– Что делать? – повторил Леший, усмехнувшись. – Для начала нужно почистить рыбу, сварить уху и ублажить пустой желудок – иначе ты можешь снова заснуть мертвецким

сном. Будешь спать до тех пор, пока не прибудет егерь и не снимет колдовские чары со спящей красавицы своим волшебным поцелуем.

– Да ну тебя, – пробурчала Фелиция недовольно. – Я ведь на полном серьёзе спросила.

– А если на полном серьёзе, то по возвращении домой нужно проконсультироваться у врача и не заикливаться на этом вопросе. Иначе можно довести себя до появления настоящего стресса, – ответил Леший поучительно, опуская связку с рыбой на землю.

Затем, поднявшись на крыльцо, поставил удочку в угол, взял посудину под рыбу, сплетённую из мелких прутьев в виде большой тарелки, и вернулся назад.

На этом разговор закончился. Леший принялся чистить рыбу, не обращая внимания на Фелицию, словно её и не было рядом с ним.

Стоять на одной ноге, опираясь на швабру, было неудобно, Сойкина присела на верхней ступеньке крыльца. Некоторое время наблюдала за работой Лешего, отметив про себя, как ловко тот орудует ножом. Потом спросила:

– Это ты меня передел?

– Нет, ты сама переделалась, – последовал ответ.

– Правда?! – удивлённо воскликнула Фелиция. – Но я ничего не помню. Видать, всё, что я делала, происходило на автомате.

– Как ты можешь помнить, если была всё время в отклю-

ке?

– Тогда как... я смогла сама... переодеться в таком состоянии? – спросила Фелиция с недоумением. – Ты меня обманываешь?

– Не больше, чем ты меня, – невозмутимо произнёс Леший. – Счёт один-один.

– Я? Тебя? В чём? – округлила глаза Фелиция.

– Ну, хотя бы в том, что ты большой знаток французских вин.

– Ах, вот ты о чём... Это всё Гром, это он спровоцировал меня на враньё.

– Ладно, чего уж там. На враньё нет пошлости, – улыбнулся Леший. – Я по разговору понял, что у вас с егерем идёт некое состязание в умственных способностях.

– Да, ты правильно подметил, – согласилась Фелиция. – Ещё со школьных времён так повелось. Мы постоянно подкалывали друг друга, глумились, отпускали разные колкости.

– Обычно так бывает, когда один человек равнодушен к другому, – Леший поднял глаза, скользнул взглядом по лицу собеседницы. – Или я ошибаюсь в своих предположениях?

– Нет, ты совершенно правильно подметил. Витя тогда действительно был влюблён в меня, а я боялась его признания в этом. Боялась, потому что мне пришлось бы разочаровать его отсутствием взаимности. Это стало бы концом нашей дружбы, чего я не могла себе представить. Это всё рав-

но, что потерять брата.

– И ты нашла способ удержания парня на коротком поводке, изображая из себя колючего ёжика, – сделал вывод Леший.

– Наверно – да, поскольку Гром ни разу не осмелился приблизиться ко мне, ближе, чем на шаг. У нас с ним не было ни свиданий, ни поцелуев, – проговорила Фелиция задумчиво и с некоторым сожалением в голосе. – Однако, я никогда не позволяла себе оскорбительных слов в его адрес, даже если его поступок иногда заслуживал резкого осуждения. Возможно, поэтому мы и остались настоящими друзьями по сей день. А школьная привычка ершистого общения у нас так и осталась, как раньше.

Фелиция поймала взгляд Лешего, добавила:

– Сама не знаю, для чего это я сейчас всё рассказываю. Тебе мои откровения, наверно, совсем не интересны.

– Видимо, тебе очень хочется убедить меня, что ты не такая уж неисправимая лгунья, какой предстала в моих глазах, – Леший улыбнулся, затем прояснил ситуацию с переодеванием:

– Переодеть тебя мне пришлось, потому что ты вымазалась с ног до головы, как поросёнок, и вымокла до последней нитки. Я не видел, когда ты рухнула в грязь, и не успел подхватить. Ты шла позади меня. Обернулся я лишь на громкий шлепок за спиной – твоё тело распласталось в грязи. Пришлось отмыть тебя, прежде чем переодеть в чистую одежду.

– Так и тащил меня на гору – грязную и скользкую?

– Не оставлять же тебя в грязной луже, как испорченную и бесполезную вещь, – усмехнулся Леший. – Решил отмыть, просушить – вдруг пригодишься?

Фелиция чуть было не вспылила в ответ на дерзкие слова Лешего, но миролюбивая дружеская насмешка, таившаяся в его взгляде, остудила её эмоции.

– Спасибо, это было очень благородно с вашей стороны, – выразила она свою признательность с нескрываемой иронией.

– Не стоит похвалы, мадам. На моём месте каждый мужчина поступил бы точно также, – ядовито-насмешливо проговорил Леший в ответ. – По-моему, так принято говорить настоящим героям в ваших репортажах?

– А ты язва, – выскочило из уст Фелиции. – Я думала, что человек, много лет проживший в одиночестве – святоша, у него пропадает способность дерзить и надсмехаться. Все его деяния безвозмездны и связаны с любовью к ближнему. Похоже, я глубоко заблуждалась.

– Направляясь сюда, ты, вероятно, предполагала встретить такого монаха, все дни которого проходят в молитвах и покаянии? – усмехнулся Леший, бросив в плетёную посудину очередную почищенную рыбину, затем снял с прутка последнюю, положил на плаху. – Тебе хотелось услышать от него много мудрых изречений о причинах людских грехов и пороков, о неизбежности расплаты за скверные поступки,

покаянии и ещё что-то вроде этого. Не так ли? Чтобы потом написать книгу под названием «Исповедь отшельника»?

Услышав рабочее название своей будущей книги, Фелиция непроизвольно вздрогнула, поразившись пронизательности Лешего. Именно такое название витало в её голове.

«Но, как он догадался? И догадка-ли это вообще? Может, Гром что-нибудь ляпнул напоследок? – предположила она. – Хотя я, помнится, не делилась с ним мыслями о книге. А уж о названии точно не было сказано ни слова. Тогда, возможно, я в бреду что-то лепетала о написании книги, а Леший подслушал эту болтовню? Маловероятно. Стоп! А вдруг этот таинственный отшельник обладает уникальной способностью выведывать мысли человека, вводя его в особое состояние, подобно гипнозу? – ужаснулась Фелиция. – Что, если я пребывала во сне вовсе не по причине защитной реакции организма? Вдруг это он принудительно погрузил меня в длительный сон и выудил из меня всё, что хотел?»

От такого предположения она поёжилась, по спине пробежался холодок.

«Несомненно, этот отшельник – колдун. Неспроста же народ окрестил его Лешим, – продолжила размышлять Фелиция. – Он колдун и может сотворить со мной всё, что ему взбредёт в голову. При этом я буду совсем беззащитна, как кролик перед удавом. Вот так влипла! Почему я не попыталась навести о нём справку? Может, существуют и жертвы его колдовских проделок, и я могла бы с ними пообщаться,

прежде чем отправляться сюда? Куда подевалось твоё профессиональное чутьё, журналист Сойкина?»

– Что ты молчишь? Я попал в точку? – словно издали, послышался голос Лешего.

– Ты прав, – не стала отрицать Фелиция. – Узнав о твоём существовании, я заинтересовалась мотивацией, побуждающей человека отказаться от благ цивилизации. По моему убеждению, ни один здравомыслящий человек не отважится беспричинно на такой поступок. Я поняла, что мне выпал шанс пообщаться на эту тему с реальным отшельником, и решила им воспользоваться.

– А тебе не приходило в голову, что я могу оказаться обычным уголовником или маньяком, скрывающимся от правосудия? – спросил Леший. – Судьба на блюдечке преподнесла мне очередную жертву. Позабавлюсь с тобою всласть, как кот с мышонком, а потом убью и закопаю где-нибудь под деревом. И никто, поверь мне, и никогда пропавшую журналистку не найдёт. Как тебе такой вариант завершения увлекательного путешествия?

– Ты так не поступишь.

– Откуда такая уверенность?

– Потому что ты не маньяк и не уголовник, – заявила Фелиция.

– У меня что, на лице написано об этом? – Леший расправился с последней рыбиной, демонстративно воткнул нож в плаху, уставился на женщину в ожидании ответа.

– Написано, – ответила Фелиция, скорчив на лице подобие улыбки, хотя по телу у неё прокатилась неприятная дрожь. Она впервые в жизни ощутила настоящий страх.

Леший безошибочно уловил в глазах женщины появившийся испуг, но не стал успокаивать.

«Ничего, небольшой испуг пойдёт ей только на пользу. Смирнее станет», – подумал он, а вслух сказал:

– Пока я хожу к роднику – ты можешь привести себя в порядок и переодеться. Вещи твои из палатки я принёс, рюкзак в доме, за печкой. Швабру поставь на место, я изготовил для тебя удобный костыль. Стоит в углу, у книжной полки.

И ушёл, не оборачиваясь.

Далеко ли находится этот родник, сколько времени пройдёт до его возвращения, Леший не посчитал нужным сообщить.

Фелиция опёрлась на швабру, заковыляла в дом.

«Не может Леший, который так заботится обо мне, быть маньяком-убийцей. Его слова – всего лишь несуразная шутка, – успокоила она себя. – Одичал мужик за многие годы одиночества и напрочь забыл, что можно говорить женщине, а от каких слов следует воздержаться».

От такого толкования нахлынувший страх немного поубавился.

Фелиция переделалась, извлекла из рюкзака зубную щётку и мыло, завернула в полотенце, допрыгала до книжной полки. Когда ухватила клюку – из полотенца выпала мыльница.

Чтобы её поднять, она положила клюку на книжную полку. Подобрала мыльницу, потянула костыль на себя и зацепила по пути какую-то тетрадь, которая упала на пол.

«Как немощная старуха, у которой всё валится из рук», – разозлилась она на себя, поднимая тетрадь с пола. Тетрадь раскрылась, на первой странице было написано: Фелиция. 666-я женщина Лешего. Соблазн Дьявола или милость божья?

Словно током ударило Фелицию, когда её глаза пробежались по написанному.

«Что это всё значит? – с ужасом подумала она, ощутив, как по коже побежали мурашки. – Он действительно маньяк и даже не пытается скрывать это?! Значит, совершенно уверен в моей смерти?!»

В висках ощутило пульсировала кровь, мысли носились в голове с невероятной скоростью.

«Судя по всему, запись была сделана недавно, поскольку, по словам самого Лешего, здесь вообще не было женщин, – лихорадочно рассуждала Фелиция. – Выходит, речь однозначно идет обо мне. Но почему 666-я? Неужели у этого маньяка было такое количество жертв? Уму не постижимо! И как он поступал с ними? Насиловал и убивал всех подряд? Или просто пользовался женской доверчивостью и обманывал? А может, и то, и другое? Поступал с жертвами, как карта ляжет?»

Тетрадь со странной записью, будто раскалённый кусок

железа, жгла ей ладони. Фелиция с необычайной осторожностью положила тетрадь на место и, забыв о травмированной ноге, вприпрыжку, с костылём наперевес, выскочила на крыльцо.

Лешего пока не было видно.

«Что же теперь делать?! Как мне себя вести?! – заметалась в голове мысль. – Этот изверг скоро вернётся, у меня совсем нет времени на раздумье. И нога чёртова, как не кстати! С костылём далеко не уйти. Угораздило же меня поскользнуться в реке!»

Страх и паника охватили Фелицию. Обессиленная, она присела на ступеньку, обхватив голову руками.

Что с ней будет делать Леший, когда вернётся, предсказать было невозможно. Картины насилия и изощрённых издевательств замелькали перед глазами, одна страшнее другой.

Когда самообладание частично вернулось к ней, и она, невзирая на травму, всё-таки решилась на побег, из леса вышел Леший.

Он шагал неторопливо, за плечами на широких ремнях у него висела увесистая ёмкость защитного цвета. Вид отшельника, казалось, был удручённым.

Бежать было поздно. Фелиция замерла на месте, словно враз окаменела.

«Надо сделать вид, что я ни о чём не догадываюсь, – подумалось ей. – Приходилось ведь бывать в жутких передрыгах

и, ничего, всегда удавалось выходить сухой из воды, даже без ущерба для собственного здоровья. Дай бог, и на этот раз всё обойдётся. Нужно лишь переиграть душегуба, постараться взять себя в руки и контролировать каждый шаг – свой и преступника».

– Как быстро ты вернулся, – проговорила она через какое-то время намеренно громко, маскируя своё волнение. – Я даже умыться ещё не успела».

– Ну и не торопись, делай свои дела, – ответил Леший. – Моя уха будет готова ещё не скоро.

Фелиция дошагала до рукомойника, закреплённого на стволе старой ели, принялась приводить себя в порядок, украдкой наблюдая за действиями Лешего.

Тот вёл себя непринуждённо и обыденно, в его поведении не было ничего подозрительного. Он принёс к кострищу картошку, репчатый лук, принялся чистить. Потом развёл костёр, налил воды в котелок из заплечной канистры, с которой ходил на родник, повесил над костром.

Фелиция занималась собой не спеша. Почистив зубы и умывшись, принялась для видимости отмывать мыльницу, затем постирала носовой платок, который случайно оказался в кармане, после чего принялась мять и жамкать кончики полотенца, словно они были грязны до безобразия. Она умышленно тянула время, прокручивая в голове дальнейший план своих действий. Только когда удалось окончательно унять дрожь в теле и успокоиться, решила подойти к

костру.

Вода в котелке к этому моменту бурлила вовсю, кружа порезанный картофель и головки лука.

– Ну, вот, ещё немного терпения и моя уха будет готова, – деловито произнёс Леший, опуская в котелок рыбу. – Главное, не прокараулить процесс, иначе уха превратится в суспензию и станет отвратительным рыбным супом. И после снятия с огня сразу разливать её по тарелкам тоже нельзя, нужно дать настояться минут десять. Только тогда уха будет отменной с непревзойдённым вкусом.

Фелиция слушала плавную и неторопливую речь Лешего, и в её голове никак не укладывалось, что этот уравновешенный на вид человек вполне может оказаться безжалостным маньяком.

«Но ведь без причины не мог же он оставить эту ужасную запись в тетради? – в который раз задавалась она одним и тем же вопросом. – Какая-то цель заставила его это сделать?»

Глава 8

Уха действительно получилась отменной.

Фелиция с наслаждением опустошила одну миску и не прочь была повторить, но не решалось попросить добавки. Организм, не получавший пищи более суток, требовал восполнения энергии.

Она непроизвольно покосилась на Лешего.

– Что, понравилась тебе моя ушица? – спросил Леший, молчавший всё это время. Он быстро догадался, что журналистка не насытилась, и по скромности своей стесняется признаться в этом.

– Очень, – односложно ответила Фелиция, отводя глаза в сторону. Она была ещё не готова к непринуждённому диалогу и не решалась заводить пространный разговор. Ей казалось, что на первой же фразе голос её может предательски дрогнуть, а проницательный Леший сразу заподозрит, что с ней творится что-то неладное. Последуют вопросы, отвечая на которые, придётся врать и изворачиваться. Чем всё может закончиться – предвидеть невозможно. Одна попытка солгать уже закончилась провалом, повторение лжи может поставить жирную точку в их отношениях.

Пока же Леший ничего не заподозрил, глубоко погрузив-

шись в какие-то свои размышления. О чём он думал всё это время – Фелиции было неведомо, но такое положение сейчас её вполне устраивало. Она продолжила есть в полном молчании, уставившись взглядом в огонь.

Затянувшееся молчание вскоре закончилось, его прервал Леший, изложив неприятную новость.

Он сообщил, что при подходе к роднику обнаружил медвежонка, который в одиночестве бродил по лесу. Скорее всего, тот по неизвестной причине лишился матери. Признался, что такое событие сильно взволновало его, дальнейшая судьба косолапого детёныша не давала ни минуты покоя. Леший не знал, как и чем будет подкармливать сироту, где содержать: оставить на воле или же забрать к себе на дворовую территорию, соорудить вольер.

– Но вначале нужно точно установить: погибла ли его мать, или же он, несмышлёныш, совсем случайно отбился от неё, – подвёл итог своему повествованию отшельник. – Нужно сегодня же сходить и понаблюдать за ним. Если медвежонок остался без матери – придётся взять над ним шефство. Не бросать же сироту на погибель? Жаль, что ты обезножила, а то бы взял с собой, полюбовалась бы на этого забавного и умильного глупыша, – закончил он свой невесёлый рассказ.

Последние слова Лешего, произнесённые с нескрываемой нежностью, заставили Фелицию вновь засомневаться в том, что перед ней преступник.

«Или я совсем не разбираюсь в людях, или же когда-то успела потерять журналистское чутьё, – критически рассудила она. – Ну не может маньяк быть таким заботливым и чувствительным! Моральный урод не может обладать тонкими чувствами. Никак не может!»

После такой разоблачительной мысли к ней стали возвращаться былые уверенность и решительность.

– А далеко до родника? – спросила она уже обычным ровным голосом, поборов, наконец, остатки волнения.

– Примерно так, как до твоей палатки, – прикинув в уме расстояние, сказал Леший. – Но если ты собираешься составить мне компанию, то тебе ещё рано покорять такие дистанции.

– У меня есть хороший помощник – твоя волшебная клюка, – с вкрадчивым подхалимажем проговорила журналистка. – С ней я смогу пройти, сколько потребуется!

– Ну, скажем, не пройти, а проковылять, – одёрнул Леший. – А это две большие разницы, как говорят одесситы. Ходить ты начнёшь, как минимум, через пару дней.

– Хорошо, пусть проковыляю, и что? – не желая сдаваться, сказала Фелиция. – Мы ведь никуда не опаздываем и до сумерек, надеюсь, вернёмся?

– Какая ты... настырная и... несокрушимая, всё-таки, – с трудом подобрав подходящие и неоскорбительные слова, сердито проговорил Леший.

– Сказал бы прямо: упёртая и твердолобая, – усмехнулась

Фелиция. – Я бы не обиделась, поскольку слышала уже не раз такой комплимент в свой адрес. Однако, следует отметить, что на этом самом упрямстве и зиждется моя журналистская удача.

– А если вдруг на медведицу наткнёмся? – не реагируя на реплику Фелиции, продолжил Леший. – Я вприпрыжку побегу назад, а ты вступишь с ней в единоборство? Костылём станешь отбиваться от матухи? Нет, Фиса, даже и не надейся, не возьму я тебя с собой. Вопрос закрыт и на этом поставим жирную точку.

Фелиция поняла, что Леший прав, и не стала больше упорствовать. Она демонстративно надула губы, изобразив обиду, и замолчала, соображая, в какое русло перевести разговор.

Приняв обиду журналистки за чистую монету, Леший поспешил успокоить её.

– Ты не переживай. Живых медвежат я тебе обязательно покажу, – заверил он. – Как только окрепнешь и встанешь на ноги – сразу свожу в одно место. Там медведица с медвежатами выходит к реке, полюбуешься их забавами.

– Правда? – вырвалось у Фелиции с детской наивностью в голосе, и в её памяти тут же всплыла картинка из детства.

Давным-давно, будучи ещё девчонкой, она точно также, как сейчас, с большой надеждой и доверием заглядывала в добрые отцовские глаза, когда тот обещал исполнить её желание, и каждый раз спрашивала: «Правда? Точно-точно?»

– Я тебе обещаю, – ответил Леший, смутившись.

Заметив его смущение, Фелиция поймала себя на мысли, что с этого момента ей больше не нужно бояться этого человека.

Откуда-то из глубин сознания к ней пришло убеждение о полном доверии к нему, появилась уверенность, что Леший ни при каких обстоятельствах не причинит ей зла. Почему появилась такая уверенность – она не могла объяснить, но уже точно знала: он просто не способен на совершение злодеяний. Это чувствовалось по его поведению, покровительственному отношению к ней, отражалось во взгляде и улыбке, в озабоченности судьбой маленького медвежонка.

Леший сейчас предстал перед ней таким же чутким, добрым и внимательным, как её покойный отец.

Ей вдруг нестерпимо захотелось поделиться с ним своими воспоминаниями об отце, о его безграничном внимании и любви к ней, рассказать о детских шалостях и прощениях отцом, о первой несчастливой любви и о многом другом. Она готова была рассказать о мучивших её эпизодах своей жизни, которые постоянно держала в тайне и не предавала огласке. Даже Грому не положено было знать всей подноготной этих эпизодов. Поделиться сокровенным она могла позволить себе лишь с отцом, но, к сожалению, его давно уже не было в живых.

Фелиция считала себя сильной личностью, и поэтому никто из окружавших её людей не должен был знать о её сла-

бостях. И вот теперь, как ей показалось, отшельник был самой подходящей кандидатурой после отца. Он жил вне общества. Доверяя ему свои тайны, она могла не переживать по поводу утечки информации.

Однако, чтобы быть откровенной с Лешим, ей нужно было избавиться себя от сомнений в его порядочности, а значит, утвердиться в проявившихся ощущениях.

Собравшись с духом и глядя прямо в глаза Лешему, уже не таясь, она спросила:

– Для чего ты сегодня заговорил со мной о маньяке?

– А ты разве не поняла? – ответил Леший с улыбкой, не удивившись неожиданному вопросу, словно давно ждал его.

– Поняла, только не сразу, а немного позднее.

– И что ты поняла?

– Что передо мной настоящий маньяк, а вовсе не тот мнимый, который мог бы встретиться на моём пути, – заявила Фелиция, волнуясь.

– Очень смелое заявление для незащитной женщины, – не сбрасывая улыбки с лица, сказал Леший.

– И этот маньяк не спешит надругаться надо мной, поскольку ещё не придумал более изощрённого способа истязания, чем все те, которым подверглись предыдущие 665 невинных жертв. Ему не хочется повторяться, потому что не произойдёт того сладострастного кайфа, ради которого он истязает свою жертву, а фантазии для нового сценария уже не хватает, – на одном дыхании закончила журналистка и с

шумом вдохнула большой глоток воздуха.

– И совсем неожиданно, – добавил Леший. Его лицо осталось совершенно спокойным, на нём не отражалось ни удивления, ни волнения, ни чувства досады. Он вёл себя так, будто речь сейчас шла не о нём вовсе, а о каком-то постороннем человеке.

– Откуда в твоей голове появилось число 665? – спросил он.

– В следственном комитете получила информацию, – не моргнув глазом, с вызовом соврала Сойкина. – Когда знакомилась с твоим уголовным делом.

– Не умеешь ты врать, Фиса, – сказал Леший. – От твоего неумелого вранья скоро все деревья вокруг увянут. Тебе не к лицу даже маленькая безобидная ложь. Нет никакого дела на меня и быть не может. И позволь напомнить тебе, незваная гостья, что брать чужие вещи без разрешения хозяина нехорошо. Разве не учили тебя в детстве правилам приличия?

– Учили. И поэтому я не позволила себе в твоём логове прикасаться к вещам, мне не принадлежащим, ясно?

– Ясно, но не понятно: каким образом моя тетрадь очутилась в твоих руках? Не сквозняком же сбросило её с полки и удачно положило в твои ладони? – съязвил Леший. – Я и не подозревал, что в моём жилище появился полтергейст.

– А тебе вовсе не к лицу паясничать, – отпарировала Сойкина. – Тетрадь упала на пол и раскрылась.

– Сама упала, сама раскрылась... бывает и же такое?

– Я нечаянно зацепила её клюкой. И вообще, я не намерена отчитываться перед маньяком о своих действиях.

– Вот что, уважаемая дамочка, – произнёс Леший сердито. – У меня нет никакого желания дальнейшего общения с тобой. Забирай-ка ты свои вещи и отправляйся обратно в палатку. Обвинители мне здесь не нужны.

– Как... в палатку? – в растерянности спросила Сойкина, не ожидая такого крутого поворота событий. – У меня же нога...

– Ты только что заявляла, что с клюкой пройдёшь сколько будет необходимо. Вот и шагай, до сумерек ещё долго, доковыляешь.

– Ты не можешь поступить так жестоко со мной! – в отчаянии заявила журналистка.

– Могу, Фиса, я же маньяк. Если ты не уйдёшь, я тебя порежу на куски, мясо посолю на зиму, кости отнесу полакомиться волкам, а мозгами полакомлюсь на завтрак сам. Уходи, пока я добрый.

Сойкина вскочила, подняла костыль и, опираясь на него, поплелась к дому. Прошагав с десятков метров, обернулась. Невозмутимый Леший продолжал сидеть у костра.

– Никуда я не пойду, – крикнула она решительно. – Пока не узнаю, кто ты есть на самом деле!

– Это твой ультиматум или последнее желание перед смертью?

Сойкина молча проделала обратный путь, остановилась

напротив Лешего. Тот делал вид, будто не замечает её, поправляя прутиком догорающие в костре угли.

– О чём я еще могла подумать, прочитав имя Фелиция и порядковый номер жертвы Лешего? – спросила журналистка.

Леший поднял глаза, внимательно смотрел ей в лицо некоторое время. Не произнося ни слова, поднялся и направился в дом.

Оттуда он вышел с тремя толстыми канцелярскими книгами в руках. Подошёл к Сойкиной, положил их перед ней на землю.

– Что это? – поинтересовалась Фелиция.

– То, ради чего ты направлялась сюда.

Журналистка взяла одну из них, раскрыла, бегло просмотрев взглядом по мелкому убористому почерку. Лицо её просияло.

– Спасибо, – проговорила она радостно. – Даже не прочитав того, что там написано, я знаю наперёд: ты, Леший, очень добрый и порядочный человек. Прошу прощения за своё поведение, остаюсь перед тобой в неоплатном долгу.

Фелицию захлестнули эмоции, она на время забыла, кто стоит перед ней. Ещё совсем недавно Леший представлялся ей как маньяк, а сейчас, совсем неожиданно, стал для неё уже в роли благодетеля.

В порыве благодарности Фелиция, забыв о больной ноге, рванулась к Лешему и, не дав тому опомниться, прильнула

к нему, обхватила за плечи и троекратно поцеловала в губы.

Леший, почувствовав, как подкосились ноги Фелиции, чтобы удержаться от возможного падения, интуитивно ухватил её за талию. Его бедра вплотную сошлись с напряженными бедрами Фелиции. Словно молния прошла по его телу в момент соприкосновения.

– Чувствительно благодарна вам, – сказала она и, увидев округлившиеся глаза Лешего, в растерянности попятилась назад, припадая на одну ногу.

– Извини... те, пожалуйста, – проговорила она, не отрывая взгляда от его лица.

Леший в очередной раз увидел пронзительный взгляд её зелёных колдовских глаз, которые, вспыхнув на мгновение, вновь обожгли его. Он явственно ощутил упругость уткнувшихся в него грудей Фелиции. Искра неудержимого влечения к этой женщине вспыхнула в нём с новой силой, разжигая огонь неуёмной страсти.

Страсть эта разгоралась очень стремительно, словно внезапный приступ лихорадки. Сердце в одно мгновение сбилось с ритма.

Перед глазами тут же промелькнули две обнажённые Фелиции: та, что стояла в реке, в чём мать родила, и та, которая лежала в бессознательном состоянии, раздетая им. Но тогда было проще справиться с похотью. Первый раз его разделяла река, во втором случае препятствием служила беспомощность женщины. Сейчас же провокаторша была совсем ря-

дом, изогнув тело в соблазнительной позе и в чувственном порыве, подставляя губы для ответного поцелуя. Женщина, как две капли воды похожая на его первую любовь, стояла в полушаге от него. Стоит лишь протянуть руку и можно погладить её волосы, дотронуться до лица, притянуть к себе и поцеловать. И никто не сможет помешать слиться с нею воедино. Вокруг ни души на несколько десятков километров. А глаза Фелиции подсказывали, что она не будет противиться исполнить его неудержимое желание. Уж он-то умел читать по глазам женские «да» или «нет».

Началась внутренняя борьба с похотью.

Леший стоял, не в силах сдвинуться с места, прислушиваясь к взбунтовавшейся плоти и мысленно обзывал себя разными омерзительными словами.

«Дурак! Болван! Идиот! – ругал он себя, – для чего ты пробыл в одиночестве семь лет? Чтобы вот так, за несколько минут сомнительного счастья свести на нет все усилия? Тебе удалось вытравить в себе извращённую плотскую потребность, ты избавился от неё, ты победил. Уходи отсюда немедленно! Держись от этой дьяволицы подальше! Ты отдал ей то, чего она хотела, и теперь забудь о ней, поставь на ней крест! Она послана тебе самим дьяволом!»

Шли минуты, однако самобичевание не помогало. Завораживающе-воркующий голос Фелиции и её пленительный взгляд убавляли эти силы. Страсть охватывала неумолимо, обволакивая сознание густым туманом. С каждой секундой

борьба ослабевала, отдавая предпочтение похоти.

Остаться наедине с Фелицией в таком состоянии было выше его сил. Преодолевая себя невероятным усилием воли, Леший крутнулся на месте и скорым шагом направился в лес...

Глава 9

... Ретировавшись после встречи с Фелицией и её спутником Виктором Громовым, Леший тогда вернулся к себе.

«Скажите, а как ваше имя? Мне как-то неловко называть вас Лешим», – ритмично звучали в голове слова журналистки, словно срывались с заезженной пластинки.

Чтобы избавиться от наваждения, он взял в руки топор и с неистовой яростью принялся тесать бревно, задавшись целью довести его до формы бруса. Остервенело орудуя топором, ухая при каждом взмахе, он надеялся остановить тревожные мысли, которые стали появляться вслед за преследующим вопросом Фелиции.

Толстые щепки одна за другой с треском вылетали из-под топора. Леший работал в полном исступлении до тех пор, пока не занемели ладони, державшие топорище. Тем не менее, даже яростная работа не сняла внутренней напряжённости в нём. Мысли о посягательстве на таёжное одиночество крутились в голове с необычайной скоростью.

Со взмокшей от пота спиной, тяжело дыша, Леший со злостью воткнул топор в бревно и поплёлся на крыльцо передохнуть.

Он вдруг почувствовал, как в глубине сознания произошёл какой-то важный толчок, которого подсознательно ждал

последние годы. Что конкретно с ним произошло – выразить словами было сложно, но смутная догадка уже витала в голове. Появившимся домыслам ещё предстояла проверка временем, а вот причина внутренних перемен Лешему стала понятна сразу: смуту в душе посеяла журналистка, вознамерившись заглянуть в его прежнюю жизнь.

Удивляла и настораживала внешность прибывшей гостьи. Невероятно, но она была поразительно похожа на его первую любовь – Светлану. Эта иллюзорная встреча с молодостью словно взорвала его изнутри, заставив восторгнуться зачерствевшее с годами сердце.

Он воочию увидел ту незабываемую картинку прошлого, которая на протяжении многих лет так и не смогла выветриться из памяти.

В тот момент, когда Фелиция поинтересовалась его настоящим именем, её пышные тёмно-русые волосы подхватил налетевший ветерок и взметнул вверх, оголив на миг мраморную шею.

Глядя на открывшийся островок белой и гладкой кожи, у него произвольно зашло сердце.

С исключительной точностью повторился памятный эпизод его знакомства со Светланой. Будто тот, невидимый и властный, кто безгранично распоряжается судьбой человека, решил вдруг вернуть его в прошлое, чтобы издевательски пощекотать нервы.

Отчётливо вспомнился тот давний пикник на троих...

Тогда такой же шаловливый ветер, озуруя, трепал распущенные волосы красивой девушки, периодически оголяя её восхитительно белую шею. И вопрошающие слова той девушки были точно такими же, как у нынешней Фелиции: «Скажите, а как ваше имя?» И даже тембр голоса был почти один в один!

Только в тот незабываемый день он не скрывал своего имени и не убегал от прошлого. Его жизнь тогда только начиналась, прошлое было ещё настоящим и каждый день на душе был яркий праздник...

Когда это было? Давным-давно. Если брать во внимание, как медленно течёт время в одиночестве, то, можно сказать, прошла целая вечность. Эта загадочная и непознанная человеком штука – время – сотворила, словно в насмешку, восприятие ушедшего события.

Просидев на крыльце битых полчаса, Леший, тяжело вздохнув, поднялся и отправился на утёс. Нужно было в спокойной обстановке разобраться с обуревающими его чувствами – этого потребовала его растревоженная душа. Там, на краю отвесной скалы, была установлена скамейка. Он просиживал на ней часами, предаваясь мучительным раздумьям, а порой и просто погружался в философские размышления о судьбе и премудростях жизни.

Вглядываясь в туманную даль, он вёл мысленный разговор с самим собой, с тем молодцом-удальцом, который к сорока годам успел совершить столько неблагоприятных поступ-

ков, сколько непорочный мужик не может себе даже представить.

После встречи с журналисткой в голове сразу промелькнула тревожная мысль: тихая и умиротворённая жизнь отшельника осталась в прошлом. Он явственно ощутил в себе внутренний надлом, понять причину которого было крайне важно и необходимо.

Дошагав до излюбленного места, Леший опустился на скамейку, откинулся на спинку, устремив свой блуждающий взор на противоположный берег.

«Так что же, всё-таки, произошло, Юрий Алексеевич? – задался вопросом он, привычно обратившись к себе, как стороннему собеседнику. – Встретилась тебе женщина, очень похожая на Светлану, и что из этого? Почему ты прекратил общение и поспешил убраться бегством? Какая причина заставила так поступить?»

Леший перевёл взгляд левее, остановив его на удалённой синей палатке. Там, внутри неё, по всей вероятности, находилась Фелиция. По крайней мере, ему так думалось, поскольку нигде поблизости он её не увидел.

Смотрел пристально и долго, словно немое жилище журналистки могло его в чём-нибудь надоумить.

Затем, встрепенувшись, вышел из ступора, и устремил свой взор в противоположном направлении.

Тревожные размышления вновь охватили его. Они переплетались с многочисленными вопросами, которые сыпа-

лись, словно горох из прохудившегося мешка.

«Испугался попасть под влияние её чар и стать одержимым этой роковой красоткой? Решил поскорее ретироваться, чтобы не наступить повторно на те же грабли? – продолжил он забрасывать себя вопросами. – Но это нелепо! Сейчас не может такого произойти, потому что у тебя за плечами огромный опыт общения с женщинами. Ты повелевал ими, как хотел. Даже известный Казанова мог бы позавидовать твоим успехам, – при мысли об историческом кумире женщин Леший криво ухмыльнулся. – Причём, ни одна из них не смогла по-настоящему захватить тебя, на какие бы ухищрения не пускалась. И самонадеянная журналистка не сможет, потому что являет собой негативный образ Светланы. Кто теперь для тебя та далёкая Светлана? Никто. Пустой звук. Ты расстался с ней двадцать семь лет назад и возненавидел после предательства навсегда».

Как только в голове мелькнуло имя Светланы, перед глазами тут же всплыли картины свиданий с ней. Это были небольшие фрагменты ярких встреч с поцелуями и ночных прогулок в обнимку. Видения появлялись в сером цвете и были размытыми, как в некачественном документальном кино. Длились не больше секунды и пропадали, растворяясь в пелене ватного тумана. Лицо Светланы было матовым, без чётких очертаний, будто смотрела она на него из старого мутного зеркала. И только чувственные переживания были настоящими – сердце защемило и забилось учащённо.

«Да-а, была неуёмная страсть, ты души не чаял в своей возлюбленной. Ни секунды не сомневался, что она ниспослана тебе по решению Небес – единственна и неповторима. Ты был безмерно счастлив с ней, и это правда. Но, увы! Твоя девица-красавица очень быстро предала тебя. Хрупкое счастье разлетелось в пух и прах! Пока ты восхищался её красотой – она лгала тебе. А потом с лёгкостью переметнулась к другому парню, цинично заявив, что не любила тебя никогда, – кадык Лешего дёрнулся несколько раз – он судорожно сглотнул накатившуюся горькую слюну. – Сегодня этот факт всплыл в твоей памяти, когда ты уличил журналистку во лжи. Она солгала, выдав себя за знатока французских вин, и ты сразу поставил её рядом с обманщицей Светланой. Хмм, не по этой ли причине ты поспешил убраться восвояси? Не хотелось ворошить в памяти неприятные факты прошлого, которое давно уже не жжёт тебя изнутри? Возможно. Всё давно перегорело, истлело и улетучилось. Семь лет отшельничества надёжно вылечили твою искалеченную душу. Кто для тебя заезжая журналистка? Случайный прохожий, не более того. У неё своя жизнь, в огнях и развлечениях, у тебя – своя, затворническая. Увезёт её егерь обратно, и твоя жизнь снова войдёт в привычное русло. Чего вдруг ты разволновался, а, Юрий Алексеевич? Не потому ли, что тебя сразил пронзительный взгляд колдовских глаз – зелёных, горящих и вызывающих, как у Светланы? Признайся честно: они сразу обожгли тебя, как в молодости? Заглянув в их бездну, ты ис-

пугался, что стрела проказника Амура может пронзить твоё сердце? Разве не так? Боишься, что после семилетнего монашеского обитания изменится привычный образ жизни? Нарушится её строгость и начнёт мучить бессонница? Да? Опасаешься, что после общения с Фелицией укрощённый тобою блуд вспыхнет с новой силой, а затем столкнёт на прежнюю дорогу разврата? Ты этого боишься, Юрий Алексеевич?»

Тревожные вопросы выстреливали в голову один за другим, принуждая второе «я» признать, как факт, внезапно вспыхнувшую в нём искру влечения к женщине.

Лешему стало душно от тревожных и тягостных размышлений. Он набрал полные лёгкие воздуха и с шумом выдохнул.

«Как же ты будешь присматривать за журналисткой, если с первого часа настраиваешь себя на изоляцию с ней? – задал он неудобный для себя вопрос. – Как выполнишь своё обещание егерю?»

Леший повернул голову в сторону песчаного островка посередине реки и увидел... абсолютно нагую Фелицию. Она зашла в реку и стояла по колено в воде. Вскинув руки вверх и запрокинув голову, Фелиция грудью повернулась к солнцу.

Кровь разом хлынула в лицо Лешему, его сердце бешено застучало от увиденного. Казалось, оно в один миг перестало справляться с перекачиванием непомерного объёма крови. Ещё минута, другая, и kloкочущий мотор непременно разорвётся на части от перегрузки. От увиденного ему стало

трудно дышать. Он хотел тут же отвернуться, чтобы не дать разгореться соблазну, и не смог. Помимо воли в нём горело страстное и безудержное желание спуститься вниз и с ходу заключить речную нимфу в свои объятия...

Леший впёрся округлившимися глазами в обнажённую журналистку, не в силах оторваться от завораживающего зрелища.

И лишь в последний момент угасающего самоконтроля сумел-таки включить внутренние тормоза.

«Нужно погасить огонь страсти и ни в коем случае не позволить сердцу разорваться», – мелькнула несуразная, но спасительная мысль.

– Вот и явилась к тебе дьявольская погибель, – прошептали губы Лешего. – Как бы ты не скрывался от неё...

... Семь лет назад Юрий Орлов, преуспевающий руководитель строительной компании неожиданно для окружающих внезапно продал свой бизнес и уехал в неизвестном направлении. Коллеги и друзья, не зная причины скоропалительного решения, лишь с недоумением пожимали плечами.

Слухи витали разные, от угрозы убийством до появления заграничной пассии, к которой, якобы, мог уехать бизнесмен. Тайна исчезновения была покрыта мраком. Даже самым близким друзьям Орлов не объяснил толком, почему так поступает. О дате своего отъезда и месте будущего проживания он не сообщил никому.

Первое время друзья надеялись, что Орлов решит ка-

кие-то сокровенные дела, о которых им ничего не известно, и непременно вернётся. Они были хорошо осведомлены об авантюрном характере удачливого бизнесмена.

Но их надежды не оправдались. Юрий Орлов исчез навсегда, не оставив никаких следов.

Спустя несколько месяцев после его исчезновения, друзья обратились в милицию, чтобы попытаться отыскать пропавшего, но получили отказ.

– Заявления от родственников о пропаже Орлова Юрия Алексеевича к нам не поступало, а это значит, что основной для поиска вашего друга у правоохранительных органов нет, – ответил молодой капитан, к которому они обратились.

– У него здесь нет родственников, – попытались возразить друзья. – Родители умерли несколько лет назад, а о сёстрах нам ничего неизвестно.

– На нет и суда нет, – равнодушным голосом отозвался офицер. – Будет заявление от сестёр – будем работать.

На этом все поиски закончились.

А Юрий Орлов в это время готовился к своей первой зимовке в тайге. Он успел срубить избушку, сложил печь и заготовил дрова, аккуратно уложив их в поленницу под навесом. Рядом с избушкой, белея гладко ошкуренными брёвнами, красовалась баня.

Чтобы поспеть с обустройством жилища до морозов, таёжному новосёлу приходилось трудиться по пятнадцать-шестнадцать часов в сутки. Такой распорядок он уста-

новил намеренно, поскольку бытовые заботы не оставляли времени на воспоминания о прошлой жизни, от которой он сбежал.

Просыпался Юрий с восходом солнца, быстро завтракал и принимался за работу. Натрудившись за день до ломоты в мышцах, он засыпал почти мгновенно.

За полгода, которые ушли у него на подготовку зимовья, он не разу не пожалел о принятом решении. Ежедневный изнурительный труд имел не только излечивающий психологический эффект, но и приносил большую радость. Удивительно, но его не мучало воспоминание о роскошной жизни, с которой он расстался. И зима с завывающей вьюгой за окном прошла без тоски о городской жизни. И жуткий вой волков по ночам не страшил его, не наводил тоску.

Каждый день он становился на лыжи и с ружьём за спиной отправлялся в тайгу, проходя по десять-пятнадцать километров. Такая прогулка входила в обязательный распорядок дня. Охота и рыбалка проводились отдельными мероприятиями, к ним он готовился заранее.

Недостатка в продуктах питания Юрий не испытывал. У него было большое разнообразие мяса и рыбы. Соль, сахар и мешок муки он привёз на лодке. У практичного инженера-строителя Орлова не было проблем ни в чём. Всё ему было по плечу.

Так прошло семь лет, за которые Юрий изменился до неузнаваемости. И вот, неожиданно-негаданно, свалилась на

его голову эта сумасбродная женщина, которая нарушила установившийся покой.

... Юрий нашёл в себе силы и отвернулся от эротического представления. Решительно покинув утёс, зашагал к своему жилищу.

Заглянув в сени, снял со стены ружьё и отправился в тайгу, чтобы обуздать взбунтовавшуюся плоть.

«Не огонь тебя не возьмёт, ни вода не потопит, если будешь придерживаться праведных устоев жизни», – вспомнил он напутствие священника.

Глава 10

Решение стать отшельником пришло к нему неожиданно.

Расставшись однажды с очередной опостылевшей красавицей, Орлов вдруг понял: все женщины, без исключения, опротивели ему!

В последнее время после первой же встречи с ними он стал испытывать необъяснимое отвращение и без сожаления бросал их.

Отталкивающее чувство и брезгливость возникали даже к самым красивым и искушённым в интимных ласках дамам.

Юрий не мог понять, отчего так происходит, и очень скоро заводил новую подругу. Если быстрого знакомства не происходило, он пользовался платными услугами дам лёгкого поведения.

История повторялась. Необъяснимый порок не исчезал, а лишь прогрессировал.

«До чего же я довёл себя, сучёнок, меняя баб, как перчатки! – корил он себя, возвращаясь домой, изрядно выпив после расставания с очередной женщиной. – Пересытился любовью до отрыжки. Превратился в мужика, который может, но не хочет. Как называют женщины такого обормота? Сволочь? Действительно, сволочь! Я и есть самая последняя сволочь! Сколько сотен женщин ты, Юрий Алексеевич, по-

имел в своей жизни? Пять, шесть, или ещё больше? А сколько женщин ушло от своих мужей из-за тебя? Сколько семей ты разрушил, сколько отвергнутых тобою женщин пытались покончить с собой? А сколько из них грозилось уничтожить тебя за поруганную любовь и обманутые надежды? Не знаешь? Так посчитай на досуге всех жриц любви, порядочных и непорядочных, включая проституток, которыми не брезговал. Нет, Юра, ты даже не сволочь, а самый настоящий сатана в образе успешного руководителя! Не будет тебе, извращенцу, прощения в царстве небесном! »

Выписывая ногами кренделя, он дошёл до своего подъезда, и тут его осенило:

«Может, я серьёзно болен, и мне требуется психологическая помощь? Почему бы и нет? Нормального мужика не воротит от красивой женщины, которая сначала желанна, а после овладения ею – уже отвратительна. Почему мне хочется без промедления найти ей замену? Разве это нормально? Однозначно – нет. А почему мне постоянно хочется новых и ярких ощущений в постели, а разврат уже не вызывает стыда, а лишь разжигает страсть? Разве это не извращение?»

От такой мысли ему стало не по себе.

«Ну уж дудки, вам, врачи-психологи-сексологи! – рассудил он хмельным сознанием. – Никогда я не стану откровенничать с вами, потому что у вас длинные языки. Стоит только заикнуться об отклонениях в интимной жизни, как тут же поползут слухи по всему городу. Недруги моментально при-

клеят ярлык маньяка и извращенца и от довольства будут потирать ладони. Эти завистники и бездари только и ждут случая, как бы эффективнее дискредитировать меня. Спят и видят, как убрать со строительного рынка. Они способны на всё, дай им повод. Найдут падших женщин, с которыми я никогда не имел отношений, заплатят им деньги и получают в подробностях то, чего никогда и не было. Такие технологии, увы, существуют в бизнесе».

Орлов сплюнул от злости и громко выругался:

– Да пошли вы все в то место, откуда выбрались на свет!»

С этими словами Юрий с остервенением рванул на себя ручку двери и вошёл в подъезд. Лифт довёз его до пятого этажа, он открыл квартиру и через четверть часа уже спал крепким сном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.